

Къ Л^д Чаеми

Исх. Сеп. Вакис

ИВ. 1936 КМ 125304

ДОСТОПАМЯТНЫЙ ГОДЪ
Ж И З Н И
АВГУСТА КОЦЕБУ,

83
K 754

ИЛИ

ЗАТОЧЕНИЕ ЕГО ВЪ СИБИРЬ
И ВОЗВРАЩЕНИЕ ОТТУДА,
описанное имъ самимъ.

СЪ НѢМЕЦКАГО ПЕРЕВЕЛЪ

В. Кражевъ.

1944 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Издание второе.

Ред. изд.
КНИГА

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1816.

Отдел хранения
Гос. Публ. Библиотеки
им. В. Г. Белинского
г. Свердловск

Инв. 1936 г. 125304

1944 г. 16304

83:92

Печатана въ 1806 году съ одобренія
Коллежскаго Совѣтника, Профессора при
Императорскомъ Московскомъ Универси-
тетѣ и печатаемыхъ въ состоящей подъ
покровительствомъ Императорскаго Вос-
питательнаго Дома Типографіи книгъ
Ценсора,

И. Гейма.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Да не причтушъ мнѣ въ тщеславіе, когда я произшествія одного года моей жизни нахожу сплотившимися того, чѣмъ сообщилъ ихъ свѣту. Судьба моя была тогда шакъ странна, что она бы и въ романѣ могла любопытна быть, а сколь болѣе въ справедливой Исторіи, какъ бы ни называлось лицо, которое подвержено было оной!

Но еще другія и важнѣйшія причины побуждаютъ меня къ тому. Въ Германіи — смѣю сказать и въ части Европы — иные изъ любопытства, другіе по доброжелательству принимали участіе въ судьбѣ моей, и вездѣ старались узнать вину оной. Разительное послѣдствіе заставляло думать о

Часть I.

А

причинѣ. Вымышляли премножество разныхъ исторій: то говорили, будто я написалъ какую-то книгу, которую иные и читали; то сказывали, что Сочинитель оной былъ другой, но имя его начинается съ той же буквы, какъ и мое, и потому я спалъ жертвою ошибки въ именахъ; иные поставляли вину мою въ безразсудныхъ рѣчахъ, а другіе въ мѣстахъ нѣкоторыхъ театральныхъ піесъ, писанныхъ мною задесять лѣтъ передъ тѣмъ. Словомъ, одинъ думалъ то, другой иное, а никто не угадывалъ подлинной причины. Потому кажется мнѣ, что я обязанъ имени своему, дѣтямъ и друзьямъ моимъ по самой сущей истинѣ описать то, что со мною случилось, и такъ разомъ поправить всѣ разные толки.

Сверхъ того еще гораздо важнѣйшая обязанность пропавъ покойнаго Государя Императора — великъ мнѣ общенародно объявить

объ отличномъ благодушїи, съ каковымъ Онъ увидѣлъ Свою неправосѣ, призналъ ее и вознаградилъ. Вознагражденїемъ не называю я богатыя милосѣи, коими Онъ осыпалъ меня (ибо милосѣи Государю сподобяшъ не много, а шипла ничего); но вознагражденїемъ называю образъ, какъ Онъ меня ими жаловалъ, образъ, какъ Онъ поступалъ, говорилъ, обращался со мною. По истинѣ! шупъ былъ Онъ уже любезенъ и какъ частной человекъ, а сколь болѣе какъ Повелитель половины цѣлой части свѣща! — Онъ имѣлъ добродѣтель, въ общежитїи рѣдко, а на престолахъ еще гораздо рѣже находимую: охотно признавалъ свою неправосѣ, и поправлялъ ее не какъ Императоръ прошивъ подданнаго, но какъ человекъ прошивъ человека.

Кромѣ же ублаженїа памяти покойнаго Государя — и священный долгъ благодарности къ нынѣ цар-

спвующему милосердому ИМПЕРА-
ТОРУ, заставляеть меня принять-
ся за перо. Онъ возвратилъ меня
спарой, болѣзнующей моею мапери
и музамъ; Онъ умножилъ благопво-
ренія Отца Своего и причислилъ
меня, хотя и внѣ предѣловъ Импе-
ріи Его, навсегда къ сонму вѣрно-
подданныйшихъ Своихъ. Миръ Ему!
да будешь каждый день Его цар-
ствованія какъ первый при глазахъ
моихъ, громкимъ, всеобщимъ тор-
жествомъ любви Его народовъ!

Вотъ, любезный Чипашель,
причины, побудившія меня издашь
слѣдующее сочиненіе.

Въ Сентябрь 1801.

СОДЕРЖАНІЕ

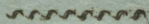
первой Части.

Вступленіе. — Письмо Россійскаго Посланника въ Берлинъ. — Опъѣздъ изъ Веймара въ Берлинъ. — Хорошій совѣтъ Россійскаго Посланника. — Последнее предостереженіе въ Померанскомъ городкѣ Цановъ. — Прибытіе на границу Россіи. — Арестованіе. — Опъѣздъ въ Мишаву въ сопровоженіи Офицера и казака. — Прибытіе въ Мишаву. — Произшествія въ домѣ Курляндскаго Губернатора. — Надворный Совѣтникъ Щ... нъ. — Повелѣніе къ опъѣзду въ Петербургъ и приготовленія къ тому. — Сенатской курьеръ Александръ Шульгинъ. — Жестокая разлука съ женою и дѣтьми. — Узнаніе о насильственномъ отправленіи въ Сибирь. — Намѣреніе и приготовленія къ побѣгу. — Ночной побѣгъ. — Укрытіе въ Лифляндскихъ лѣсахъ. — Уповаемое убѣжище въ Шлокмансгофъ и приключенія тамъ. — Г. Простеніусъ уничтожаетъ всякую надежду. — Вторичное арестованіе. — Благодарныя госпожи Ле-

венштернъ и фамиліи ея. — Отпѣздъ
 изъ Шпоксмансгофа. — Принятія мѣры
 предосторожности. — Человѣколюбивой
 поступокъ Г. Корфа. — Утѣшеніе Щ. . . на
 и курьера. — Надежды. — Вынужденіе
 денегъ. — Гостепріимство Рускихъ кре-
 стьянъ. — Предосторожность противъ
 опчаянія сосланнаго. — Полоцкъ. — Ра-
 порты Щ. . . на. — Смоленскъ. — Безче-
 ловѣчный поступокъ. — Москва. — Гнус-
 ной обманъ. — Безразсудная ошвага
 Щ. . . на. — Опасность утонуть въ
 Сурѣ подъ Василемъ. — Сотоварищъ въ не-
 щастіи. — Сто прицдшилѣнній спа-
 рикъ. — Генераль Мершенсъ. — Казань. —
 Гостепріимство тамошнее. — Собраніе
 матеріаловъ для составленія прозбы
 къ Императору. — Молодая Ташарская
 баба. — Жестокое лишеніе и послѣдней
 надежды. — Путешествіе Пермскими
 лѣсами. — Пермь. — Гроза. — Сибирскіе
 крестьяне. — Екатеринбургъ. — Откры-
 тіе скрышнаго писанія. — Граница То-
 больская. — Бѣдный сумасшедшій спа-
 рикъ. — Прибытіе въ Tobольскъ. — Пер-
 вый разговоръ съ Губернаторомъ. — Квар-
 тира въ Tobольскѣ. — Сдача сосланнаго
 Полицейскому Офицеру. — Г. Киндя-
 ковъ. — Баронъ Соммаруга. — Исторія
 удивленія достойной его супруги. — Ку-

пецъ Бекеръ. — Психологической фено-
 менъ. — Надворный Совѣтникъ Пешер-
 сонъ. — Прозьба на имя Императора. — Бла-
 годушіе Губернатора. — Позволеніе на-
 нять слугу. — Испаліанецъ Росси. — Вне-
 запное ограниченіе прежней свободы. —
 Нѣжное состраданіе Тобольскихъ куп-
 цовъ. — Описаніе разныхъ родовъ со-
 сланныхъ и какъ съ ними поступаютъ. —
 Участъ Подполковника изъ Рязани. —
 Образъ жизни Автора въ Тобольскѣ. —
 Нещастное положеніе Губернатора. —
 Описаніе Тобольска. — Рыбной рядъ. —
 Театръ. — Клобъ. — Маскерады и ба-
 лы. — Тобольской климатъ. — Произве-
 денія земли. — Болѣзни. — Возвѣщеніе не-
 обходимости оставить Тобольскъ. —
 Продажа коляски и прижимка. Приго-
 товленія къ отъѣзду. — Верховная жри-
 ца солнца. — Отъѣздъ въ Курганъ. —
 Ботаническая достопамятностъ. — Гос-
 тепріимство Сибирскихъ кресъянъ. —
 Пріѣздъ въ Курганъ. — Описаніе город-
 ка. — Пріемъ первой начальствующей
 особы. — Исторія и характеръ Надвор-
 наго Совѣтника де Грави. — Полякъ Иванъ
 Соколовъ. — Первая опивденная кварши-
 ра. — Исторія благороднаго Поляка. —
 Наемъ кварширы для Автора и описаніе

оной. — Дешевизна съѣстныхъ припасовъ. — Умѣренный спюль. — Образъ жизни Автора и суевѣріе его. — Сосѣдственные Киргизцы. — Охота. — Прогулки по берегу Тобола, Курганскія дѣвки. — Расположеніе къ побѣгу. — Описание имениннаго пира. — Заключение.

Почти три года прошло, какъ я оставилъ Россію, опечеснво любезной жены моей. Но дружелюбная благосклонность, съ каковою насъ вездѣ принимали, не могла никакъ ослабить нѣжныхъ узъ, привязывавшихъ насъ къ Сѣверу. Я общалъ женѣ моей черезъ три года возвратитъ ее въ объятія нашихъ дѣтей, родственниковъ и друзей, и охотно желалъ исполнить слово мое. Конечно должно было мнѣ оставить нѣжно любимую мать, добрыхъ друзей и небольшую собственность въ Веймарѣ; но разлука сія назначалась только на чепыре мѣсяца, только для свиданья, которымъ жена моя надѣялась уполнить поску свою по родинѣ.

Первый приступъ къ исполненію нашего желанія, по запрещенію вѣзда въ Россію, было необходимое письмо къ находящемуся ближе къ пребыванію моему Россійскому Министру въ Берлинѣ, Господину Тайному Совѣснику и

Кавалеру Барону Криденеру. Я просилъ его о доставленіи мнѣ пропуска. Онъ обѣщалъ мнѣ тотчасъ доставити о томъ Императору; но совѣщавалъ при томъ, чтобъ я самъ просилъ объ ономъ Государя. По сему совѣту я на слѣдующей же почтѣ послалъ мое прошеніе о позволеніи мнѣ пріѣхать въ Россію на четыре мѣсяца, чтобъ увидѣться съ дѣтьми моими и сдатьъ лично нѣкоторыя распоряженія въ шамошнемъ моемъ имѣніи. Но прежде нежели прошеніе сіе могло достигнуть Пешербурга, получилъ и второе письмо отъ Барона Криденера, которое по многимъ причинамъ совсѣмъ здѣсь помѣщаю.

„Съ истиннымъ удовольствіемъ сообщаю вамъ благоволительный отвѣтъ въ разсужденіи желаемого вами пропуска. Сей часъ получилъ я повелѣніе дать вамъ паспортъ, но при томъ и немедленно доставити въ Пешербургъ, по которой дорогѣ вы поѣдете, дабы отсюда можно было особымъ повелѣніемъ предупредить всѣ

затрудненія , каковыя вамъ и съ пашпортомъ на границѣ случиться могутъ. Поэтому прошу васъ съ обоимъ почтою увѣдомить меня о вашей дорогѣ и назначить , куда я долженъ послать пашпортъ вамъ , если вы сами не черезъ Берлинъ отпра- вились ; также еще доставить мнѣ имена тѣхъ , кто съ вами поѣдетъ. — Съ истиннымъ почтениемъ честь имѣю быть и проч.

Берлинъ.

Февраля 15 дня 1800.

Б. Криденеръ.

Письмо сіе произвело чрезвычайную радость въ женѣ моей , а во мнѣ напрошивъ нѣкоторыя сомнѣнія. Я ни почему не могъ ожидать столь скорого и , по видимому , столь крайне милоспиваго соизволенія на мое про- шеніе. Я не понималъ , какія затрудненія съ пашпортомъ могутъ еще случиться на границѣ ; — а если же *всякому* путешествуящему они случались , то почему для меня хотѣли

сдѣлать такое исключеніе и еще особымъ повелѣніемъ изъ Петербурга предупредить ихъ. — За что могъ я надѣяться такого опличія? и какая вообще нужда была Императору до того, по какой дорогѣ я поѣду? —

Всѣ эти сомнѣнія сообщилъ я жене моей, которая тому только смѣялась. Въ томъ самой вечерѣ, какъ я получилъ письмо, приглашены мы были къ одной Дамѣ, опличавшейся какъ званіемъ, такъ и добродѣтелями своими, и нашли тамъ, какъ и всегда, отборное общество обоихъ половъ. — Жена моя сказала всѣмъ свою радость, а я мои сомнѣнія; но ни одинъ человѣкъ изъ всего собранія не находилъ послѣднія основательными, а всѣ согласны были въ томъ, что тутъ совсѣмъ нечего опасаться.

Тогда я успокоился, а заботился единственно о томъ, что въ позволеніи мнѣ пріѣхать не означено было именно мною просимое четырехмѣсячное время, и что пошому мнѣ много труда будетъ въ разсужденіи обратна-

го виѣзда; однакомѣ я спарался отвратити и сію неприязнѣность. Находясь въ службѣ Римскаго Императора придворнымъ шеапральнымъ Поэпомъ, я изъ Вѣны выхлопоталъ себѣ отпускъ на четьре только мѣсяца. Въ нужномъ случаѣ хотѣлъ я предъавити его Австрійскому Министру въ Петербургѣ и не сомнѣвался, что съ помощію его безпрепятственно можно мнѣ будетъ тогда отправити въ обратній путь.

Послѣ такого распоряженія выѣхалъ я изъ Веймара съ женою моею и троими малыми дѣтьми 10 Апрѣля 1800. Въ Берлинѣ нашелъ я нѣсколько писемъ отъ друзей моихъ изъ Лифляндіи и Петербурга, которые предостерегали меня, чтобъ я напередъ хорошенько обдумалъ, сносенъ ли будетъ климатъ моему здоровью (Яснѣ не могли они писать). Въ сознаніи совершенной невинности почиталъ я предостереженіе ихъ за излишнее опасеніе, и не уважилъ его.

Я потчасъ явился къ Россійскому Министру. Я уже прежде имѣлъ ща-

етіе · бытъ · знаемъ · симъ · столь же
 образованнымъ, · сколь · человеколюби-
 вымъ · мужемъ, · и онъ · принялъ · меня
 съ · обыкновенною · своею · благосклон-
 ностію. · Ошканиваясь · ему, · осмѣ-
 лился · я · убѣдительно · просить · его,
 чѣмбы · онъ · мнѣ, · опцу · многочисленна-
 го · семейства, · въ · разсужденіи · моего
 положенія · откровенно · сказалъ : не бу-
 детъ · ли · какихъ · затрудненій · мнѣ
 черезъ · чепыре · мѣсяца · получить · поз-
 воленіе · къ · выѣзду · (Мнѣ · по · истинѣ
 и · на · умъ · не · приходило, · чѣмбы · могло
 со · мною · случиться · что ·нибудь · го-
 раздо · непріятнѣйшее). · Съ · благодареніемъ
 признаю, · что · Баронъ · Криде-
 неръ · ошвѣчалъ · мнѣ · какъ · человекъ,
 умѣющій · хорошо · соединять · жёсткой
 долгъ · съ · благодушіемъ · и · человеколю-
 біемъ. „Естьлибъ · я · на · вашемъ · мѣстѣ
 былъ,“ · сказалъ · онъ, · подумавъ · нѣсколько
 секундъ, · „по · ошписалъ · бы · еще · разъ
 въ · Петербургъ, · чѣмбы · увѣрился · на-
 передъ · въ · моемъ · желаніи. · Однакожъ
 вы · можете · ѣхать · до · Кенигсберга · и
 тамъ · дожидаться · ошвѣща.“

 40557
 25304

Совѣтъ сей былъ самой лучшей; онъ убѣдилъ меня. Я сообщилъ его моей женѣ: но стремленіе къ опеченству и дѣшлѣ не позволило ей довольно его уважить. Мы оба приняли это слегка и выѣхали изъ Берлина съ пашпортомъ, даннымъ отъ имени и по Указу Императора Всероссійскаго.

Какъ Прускія почты, какъ извѣстно, очень медленны (*), то я часно шелъ пѣшкомъ, и обыкновенною моею ходьбою не рѣдко на цѣлую милю уходилъ впередъ отъ моей повозки. Однажды пришелъ я такимъ образомъ въ маленькую Померанскую городокъ, называющійся, естли не ошибаюсь, Цановымъ. Прошедъ его, у заснавы по ту сторону увидѣлъ я разныя дороги, и спросилъ высокаго худоцаваго спарика, можетъ быть

(*) Новѣйшими учрежденіями, сказываютъ, отпращены отчасти жалобы путешествующихъ. Я не могу судить о томъ, потому что бывъ наугадъ опытомъ, назадъ уже не по почтѣ ѣхалъ черезъ Пруссію и Померанію.

Часть I.

Отдѣлъ хранения
Гос. Публ. Библиотеки
им. Б. Г. Болѣевова
г. Свердловск

писца отъ воротъ, въ самое то время пущъ споявшаго, по которой дороге мнѣ идти. — Онъ завелъ со мною коронкой разговоръ и освѣдомлялся, куда я ѣду. Услышавъ же, что я въ Россію отправляюсь, сталъ онъ искренно и почти съ отеческою заботливостію опговаривать онъ того. Какъ будто Богъ поставилъ у этихъ воротъ духа хранителя моего для предостереженія меня еще разъ. Старикъ всячески убѣждалъ меня, и заботливостъ его въ самомъ дѣлѣ была весьма разительна. Увидѣвъ наконецъ, что все было напрасно и я намѣренъ уже идти, сказалъ онъ: „ну! Богъ съ вами.“ Я усмѣхнулся и пошелъ. Но какъ часто вспоминалъ я послѣ достопамятныя слова его! какъ часто приходило мнѣ въ голову почестъ его за вышнее существо, нарочно низшедшее для возвышенія мнѣ предстоящей участи!

Однакожъ противъ моей воли всѣ тѣ предостереженія, предчувствія и сомнѣнія сдѣлали такое сильное вне-

чашлибіе во мнѣ, что я чувствовалъ какую-то особую грусть, увеличивавшуюся по мѣрѣ приближенія моего къ Россійской границѣ. Доходило даже до того, что не одинъ разъ, а въ послѣдній еще въ Мишавѣ, усиленно просилъ я жену мою, чтобы она поѣхала одна, а я дождусь ея возвращенія въ Мемель. Но она не могла рѣшиться на это. Опредѣленіе Вышшей власни было непремѣнно!

*Слѣдующее писалъ я въ Сибири пошчасъ по прибытіи на мѣсто моего назначенія, когда еще всѣ спрдавія мои были у меня въ свѣжей памяти. Многое должно поправитъ; ибо я по возвращеніи моемъ о многихъ дѣлахъ и многихъ людяхъ узналъ совсѣмъ иное, и не всегда лучшее. Однакожъ поправки эти осмѣляю для продолженія исторіи, и здѣсь ередварительно ни слова не перемѣняю въ томъ, что въ Сибири писалъ. Чипателъ увидитъ теперь все то, что я тогда чувствовалъ, думалъ, чему върилъ и чего надѣялся.

Теперь подвѣзжаемъ мы къ границѣ Россіи; минуемъ межи; находимся уже въ Россійскомъ владѣніи. — Но опущъ еще въ нашей волѣ ворошиться; еще никакой караулъ не останавливалъ насъ, никакая рѣка, никакой мостъ, никакая застава не отдѣляетъ насъ еще отъ Прусскихъ владѣній. — Безмолвно и съ горестью посмотрѣлъ я налѣво въ окно; всѣ предостереженія вновь мелькнули въ душѣ моей; я съ трудомъ переводилъ духъ. Жена моя, не говоря ни слова, смотрѣла на меня; она также поскокала, какъ послѣ мнѣ въ шомъ призналась. — Еще могли бы мы ворошиться. Еще мигъ! и поздно уже. Мигъ эшомъ прошелъ; жребій брошенъ.

„Стой!“ закричалъ козакъ съ длиннымъ копьемъ. Мы остановились у мосту черезъ узкой ручей. Налѣво караульная, Офицера вызываютъ.

„Пашпортъ, сударь, вашъ!“
Вотъ онъ.

Офицеръ развертываетъ его, читаетъ и разсматриваетъ подпись.
„Кто это подписалъ?“

Баронъ Криденеръ.

„Вы изъ Берлина ѣдете?“

Да.

„Такъ шочно. Извольте ѣхать.“ —

Махъ! шлагбаумъ поднимается, коляска съ глухимъ стукомъ кашился черезъ мостъ; шлагбаумъ опускается за нами. — У меня вырывается вздохъ. Вотъ уже мы вѣхали! сказалъ я съ насильною улыбкою. Но Богу извѣстно, что самая большая забота моя была только все о мнимыхъ затрудненіяхъ къ полученію пашпорта для обратнаго пути; и мнѣ тогда оппюдь невозможнымъ казалось, чтобъ личная моя безопасность чему нибудь подвергалась.

Черезъ нѣсколько минутъ очутились мы среди мѣстечка Полаугена и коляска остановилась у пограничной таможи. Начальникъ оной тамъ былъ нѣкто Подполковникъ Селивъ, чело-вѣкъ предоброй. Онъ прежде служилъ въ полку, долгое время споявшемъ въ Нарвѣ и окружныхъ мѣстахъ, а его квартира была тогда въ помѣщеніи.

еосѣдственномѣ съ деревнями женою моею. Поэтому мы были старые знакомые, и за три года на этой же самой границѣ съ крайнею пріязнью разскались мы другъ съ другомъ; да и дорогою уже радовался я съ женою моею, узнавъ, что онъ все еще при этомъ мѣстѣ.

Я первый выскочилъ изъ коляски. Селянъ встрѣтилъ меня на крыльцѣ. Я обнялъ его; но онъ какъ-то чинно отвѣчалъ на то. Я спросилъ его, развѣ онъ меня уже не знаетъ и сказалъ ему свое имя. Онъ молчалъ, поклонился и принуждалъ себя казаться ласковымъ. Я это замѣтилъ и огорчился.

Тутъ вышла и жена моя. Онъ принялъ ее учтиво, но неловко. Она это увидѣла и сердце у нее замерло. Онъ вводилъ насъ въ покои. Актеръ Вейраухъ, изъ Мемеля возлѣ коляски нашей верхомъ ѣхавшій, безпрепятственно слѣдуетъ за нами. Жена моя напрасно старается завести радостной разговоръ, обыкновенно упош-

ребляемый съ старымъ знакомымъ. Онъ отвѣчаетъ коротко, попомъ, оборотясь ко мнѣ, перебуенъ моего пашпорта. — Онъ еще у козачьяго Офицера. — Онъ молчитъ; примѣтно, что у добраго человѣка есть что-то на сердцѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ приносятъ пашпортъ. Селинъ читаетъ, а я спою въ боязненномъ ожиданіи. „Такъ вы Г. Коцебу?“ говоритъ онъ, прочитавъ пашпортъ. — Не мудрено, что эшопъ вопросъ удивилъ меня, когда мы давно другъ друга знали. Конечно я, отвѣчалъ я ему.

„Ну такъ!“ продолжаетъ онъ, оборотясь къ женѣ моей и поблѣднѣвъ самъ: „не пугайтесь, Сударыня; я имѣю повелѣніе арестовать вашего супруга.“ Жена моя громко ахнула и колѣни ея подгибаются. Она бросается ко мнѣ, крѣпко обнимаетъ меня и дѣлаетъ себѣ самыя жестокіе упреки; малыя мои дѣши споятъ путь и не знаютъ, что это значитъ. Я самъ ужасно испугался; но увидя жену мою

почти въ обморокъ. вмигъ оправляюсь. Беру ее на руки свои, сажаю на стулъ, и прошу, убѣждаю быть покойной, потому что эпо опнюдь не можетъ имѣть худыхъ слѣдствій: словомъ, говорю ей все, что внушаетъ мнѣ ея состояніе. Она опаматывается. Тутъ только вздумалъ я о себѣ и поворотясь вдругъ къ Селину, спрашиваю: какъ сказано въ повелѣніи вамъ? откройте мнѣ все.

„Я долженъ отобрать всѣ ваши бумаги и отправить ихъ вмѣстѣ съ вами въ Минаву къ Губернатору.“

А тамъ что будетъ?

„Тамъ разсмотримъ ваши бумаги, и Губернаторъ поступитъ по дальнѣйшему повелѣнію ему.“

А болѣе ничего?

„Болѣе ничего.“

Можетъ ли семейство мое ѣхать со мною?

„Конечно.“

Ну, милая, любезная Христина, говорилъ я, видишь ли, что мы можемъ быть совершенно покойны? Мы

поѣдемъ въ Мипаву, куда и безъ него ѣхали. Тамъ насъ продержавъ мѣсяцъ быль цѣлой день; только и будетъ. Ты знаешь, что въ моихъ бумагахъ ничего нѣтъ подозрительнаго. Такъ это только предосторожность, которая очень извинительна при нынѣшнихъ смутныхъ временахъ. Государь меня не знаетъ, а вѣдаетъ, что многимъ писателямъ вольность вскружила головы; Онъ подозрѣваетъ, не изъ числа ли я ихъ; и право мнѣ гораздо пріятнѣе, что Онъ хочетъ объяснить это подозрѣніе, нежели когдабъ Онъ продолжалъ такъ обо мнѣ думать. Изъ бумагъ моихъ Онъ меня совершенно узнаетъ; это будетъ еще въ мою пользу, и Онъ впередъ будетъ имѣть довѣренность ко мнѣ.

Такъ говорилъ я, прижимая дражайшую жену мою съ веселымъ духомъ къ моему сердцу; и Богу извѣстно, что въ полномъ упованіи такъ говорилъ. Въ швердомъ удостовѣреніи на мою невинность — чего мнѣ было опасаться? Жена моя также сжала

Часть I.

В

покойте. Она прежде думала, что насъ разлучитъ, что со мною худо поступятъ, бросятъ въ шелегу и опрометью увезутъ; но когда услышала, что мы неразлучно можемъ продолжать путь въ покойной коляскѣ нашей, и что опъ меня теперь, кромѣ бумагъ моихъ, ничего болѣе не требовали, то исчезли страшныя мечты, сокрушавшія ее.

Теперь дошло до произшествія, въ которомъ *дѣйствіе* бѣдному Селину примѣнно такъ же больно было, какъ намъ *страданіе*. Кончили обыскъ моихъ сундуковъ; бывшія тамъ бумаги вынули; ошобрали такъ же и записную мою книжку, и дошло дѣло до меня самого. Мнѣ должно было выворачивать всѣ карманы, выложить на столъ всякой изорванной лоскушкѣ бумаги, всякой старой пракнирской счетъ. Я это дѣлалъ съ нѣкоторою торопливостію и съ трудомъ удерживалъ себя. Я исполняю долгъ свой,“ сказалъ Селинъ прискорбнымъ тономъ. Очень примѣнно было, какъ

тяжело было ему исполненіе этого долга.

Потомъ просилъ онъ насъ очень учтиво вынуть изъ сундуковъ все, что намъ изъ бѣлья и плашья нужно будетъ до Мишавы, потому что онъ долженъ сундуки запечатать. Мы это сдѣлали. У меня былъ ларчикъ, въ которомъ я возилъ съ собою всякія мелочи, всякой день мнѣ нужны, какъ: табакъ, бришвы, лѣкарства и прочее. Я просилъ его не запечатывать этого ларчика. Онъ тотчасъ охотно согласился на это съ тѣмъ, что напередъ самъ его осмопритъ. Я оптеръ его и все показывалъ. У ларчика было довольно толстое дно. „Нѣтъ ли тутъ секретнаго мѣста для бумагъ?“ спросилъ Селинъ. — Нѣтъ, отвѣчалъ я не обинуясь. Мнѣ этотъ ларчикъ сдѣлали по заказу въ Вѣнѣ, и я въ немъ совсѣмъ не примѣтилъ ничего такого. Но здѣсь умѣли обнаруживать секретное. Селинъ пытался тушить и шамъ, вдругъ приподнялъ верхній закладъ, и вошъ! подлинно нашлось секретное

мѣсто, но — ничего въ немъ не было. Видишь, сказалъ я усмѣхаясь, что я этого и самъ не зналъ: изъ этого можешь заключить, нужны ли мнѣ се-крепные ящики, чтобы пряпать мои бумаги. Онъ это почувствовалъ и сказалъ по Руски сполщему возлѣ него Офицеру: онъ и самъ этого не зналъ.

Теперь конченъ былъ обыскъ. Намъ должно было еще дожидаться, пока напишутъ въ Канцеляріи рапортъ. Дѣти мои стали беспокойны; они весь день ничего не ѣли: ибо мы такъ проворно спѣшили къ нашей бѣдѣ, что на послѣдней снѣдціи опказались онъ го-ловаго обѣда. Я попросилъ не много хлѣба съ масломъ для дѣтей; бѣдная жена моя и я конечно не были голодны. Человеколюбивый Селинъ велѣлъ подать все, что у него въ домѣ было. Но въ другой, гораздо справедливѣйшей презбѣ, принужденъ онъ былъ опказаться мнѣ. Я въ этомъ смяненіи чувствованій моихъ вспомнилъ о снѣдой моей матери, которую оставилъ больную. Легко можно было предви-

дѣль, что приключеніе со мною скоро дойдетъ до нее, и можетъ быть безъ предваренія причинитъ ей ударъ. Поэтому я усильнѣйше просилъ позволилъ мнѣ написать къ ней нѣсколько строкъ, которыхъ бы Селинъ самъ прочиталъ и запечаталъ; но тщетно! — Мнѣ это было крайне больно — конечно и ему. Но какъ онъ увѣрялъ, что мнѣ изъ Митавы безпрепятственно можно будетъ писать, то я успокоился, оборотился къ Актеру Вейрауху, безмолвному и дивящемуся свидѣтелю всего этого происшествія, взялъ его руку и умолялъ его, при возвращеніи его въ Мемель, ни слова не говорить о томъ, что здѣсь случилось, дабы никакой порочливой газетчикъ не обнародовалъ этого. Онъ мнѣ свято обѣщалъ это.

Сильнѣйшее доказательство того, сколь мало доброй Селинъ при всемъ этомъ случаѣ помнилъ себя, было незамѣченное присутствіе Вейрауха при всемъ этомъ происшествіи. Я былъ секретной государственный архе-

манлъ (и это узналъ я конечно послѣ), и полученное обо мнѣ повелѣніе было *секретное*. Получапель подѣспрогнмъ опвѣстомъ не долженъ никому сообщать содержанія онаго и не допускать никакого свидѣнія при исполненіи. Но я побоживъсь могу, что Селинъ даже не видалъ шутъ Вейрауха.

Теперь все было готово, лошади впряжены, сундуки запечатаны. Плетеную люльку меньшаго моего ребенка, которую мы возили за коляскою, должно было очень небрежно спянуть, дабы дать мѣсто одному изъ слугъ моихъ, коего прежнее мѣсто на козлахъ занялъ теперь козакъ. Записную книжку мою съ печатью свинцовою сунули въ сумку внутри коляски на старое ея мѣсто, а мнѣ опдали ключъ отъ нее. Еще во время вздумалъ я, что какимъ нибудь случаемъ можешь повредиться свинецъ, и тогда я буду въ подозрѣніи; для того я самъ опдалъ ключъ и просилъ, запечатавъ его,

оправилъ при рапортѣ. Это и было сдѣлано.

Мы сердечно простились съ честнымъ Селиномъ. Въ послѣднія минуты былъ онъ опять тотъ, какъ всегда; онъ исполнилъ горестной долгъ свой, утѣшалъ насъ, сколько могъ, и гора свалилась съ плечъ его. Очень станемся, что я никогда уже не увижу болѣе этого человека; но есѣли повѣствованіе плачевной судьбы моей когда нибудь выдетъ въ свѣтъ, то да читаетъ онъ здѣсь благодареніе чувствительнаго сердца, въ которомъ онъ и его имя впечатлѣны неизгладимыми чертами!

Мы сѣли въ коляску и видѣли передъ собою на козлахъ вооруженнаго саблею и копьемъ козака. Дѣти мои шѣшились имъ; жена моя плакала. Я самъ опять получилъ всю мою твердость; спарался даже шутить, и мнѣ мало по малу удалось почти совсѣмъ успокоить жену мою. Да и видъ козака, кромѣ оружія его, совсѣмъ былъ не страшенъ. Это былъ спаш-

ной, видной и хорошо одѣтой, очень услужливой и вѣжливый человекъ; когда только кто изъ насъ выходилъ изъ коляски, то онъ почтительно скидывалъ свою шляпу. За нами ѣхалъ въ кибиткѣ Капитанъ, родомъ Полякъ, но его имя я по несчастію забылъ. Онъ говорилъ не много по Нѣмецки, въ Польскую революцію былъ Адъютантомъ у Генерала Мирбаха, а потомъ цѣлой годъ въ строгомъ плѣну съ симъ Генераломъ въ Митавѣ. Теперь былъ онъ, не знаю право, въ какой то должности при пограничной таможенѣ. Коммисія, которую онъ долженъ былъ выполнить въ разсужденіи меня, по видимому совсѣмъ была не по немъ. Въ дорогѣ были мы очень учтивы и ласковы между собою; онъ мнѣ ни въ чемъ не былъ въ пятосѣ; только въ дорогой Курляндіи напомнилъ мнѣ кончелекъ мой о необходимости его; ибо я принужденъ былъ заплатить какъ прогоны, такъ и за пищу его.

Отъ Палангена до Мишавы счи-
тають еще 36 Нѣмецкихъ миль. Мы
пробыли въ дорогѣ три дни, и что
до меня касается, то могу утверди-
тельно сказать — въ совершенномъ спо-
койствіи душевномъ.

По видимому и жена моя совсѣмъ
оправилась отъ своего испугу. Мы
опасались только, что насъ поддер-
жать долѣе въ Мишавѣ, и это намъ
было неприятно по тамошней дорого-
визѣ, и потому, что мы друзьямъ
своимъ въ Лифляндіи изъ Давида на-
значили день нашего прѣзда. Чегожъ
намъ болѣе и опасаться было? Я пят-
надцать лѣтъ служилъ честно въ
Россіи; могъ предъявить на то самыя
лучшія свидѣтельства; за три года
съ соизволеніемъ Императора всту-
пилъ въ Австрійскую службу; въ ту
самую минуту былъ еще служащій
Поэтъ придворнаго Вѣнскаго театра;
велъ себя тамъ всегда какъ добрый
гражданинъ Государства и вѣрно вы-
полнялъ долгъ свой, о чемъ также
имѣлъ достаточные аттестаты; по

опытнѣишій моемъ изъ Вѣны жилъ въ Княжескѣ Веймарскомъ, и никогда не бывалъ ни въ какой землѣ, которая воевала съ Россіей, или Австріей; — еще разъ, чегожъ мнѣ было бояться? По видимому это было одно подозрѣніе бумагъ моихъ. А эти были совершенно невинны.

На пути въ Мишаву мнѣ бы не одинъ разъ очень легко было спастись бѣгствомъ. На другую ночь остановились мы на почтовомъ дворѣ: Каппшанъ спалъ въ отдаленной отъ меня комнатѣ; я всталъ очень рано и вышелъ на дворъ; въ передней лежалъ козакъ съ обоими слугами моими на соломѣ въ крѣпкомъ снѣ; граница была еще недалеко, и на крестьянской лошади я бы въ нѣскольکو часовъ былъ въ безопасности: но мысль о побѣгѣ совсѣмъ не приходила мнѣ въ голову.

Апрѣля 26 въ 2 часа утра прибыли мы въ Мишаву и остановились въ томъ самомъ гербергѣ, въ шѣхъ самыхъ покояхъ, гдѣ мы за три го-

да при выѣздѣ нашемъ останавливались конечно съ другими совѣмъ чувствованіями. На нѣсколько часовъ легли мы отдохнувъ. Капитанъ спалъ опять совѣмъ въ отдаленной отъ насъ комнатѣ, и у меня не было ка-раулу.

Проспавъ нѣсколько часовъ довольно спокойно, вспалъ я и одѣлся, чтобъ вмѣстѣ съ провожаемымъ моимъ явиться къ господину Губернатору. Я въ Петербургѣ еще до шого узналъ и полюбилъ этого честнаго человѣка, и радовался, что ему именно поручено изслѣдовать о характерѣ моемъ и поведеніи; я даже не много гордился окончаніемъ этого дѣла, которое, по моему мнѣнію, долженствовало выдти въ мою пользу, и потому съ веселымъ духомъ вошелъ въ его домъ. Доброю сокрушающею жень моей общалъ я пошчасъ дасть знать, когда дѣло рѣшится. Мы все это почитали такъ легкимъ, такъ короткимъ, такъ неважнымъ. До какихъ самообольщеній доводилъ сознаніе себя невиннымъ!

Въ передней у Губернатора напомнили мнѣ слуги его, что я не могу явившись къ господину ихъ во фракъ съ лежащимъ воровникомъ. Однакожъ узнавъ, что я пріѣзжій и все платье мое запечатано въ сундукахъ, не спали дѣлать болѣе затрудненій.

Въ другой комнатѣ должно было намъ дожидаться нѣсколько времени, и я могъ тогда замѣтить разительное странное убранство этого покоя. Изъ мебели было шубъ не много стульевъ и софа; но на стѣнахъ висѣли картины, какъ будто нарочно подобранныя: шубъ былъ волкъ, шерстающий дикую козу; коршунъ, уцѣпившійся когтями въ зайца; медвѣдь, ревущій о добычѣ; лисица, пойманная въ капканъ. Но страннѣе всего была большая доска, на которой написаны были ченныре стиха или строки. Я не припомню ихъ совершенно, а смыслъ былъ такой: „Человѣкъ можетъ укротить львовъ и шитровъ и проч., можетъ обуздать самаго бѣшеннаго коня, но не обуздаешь языка своего.“ Все

это было изображено по старинному обычаю опчасши въ лицахъ; на примѣръ: вмѣсто слова *человѣкъ*, былъ онъ живописанъ, вмѣсто *коня*, нарисана лошадь, а вмѣсто *языка*, большой ремѣ съ висячимъ замкомъ. Признаться должно, что такія картины не могли внушить упѣшительной надежды, и онѣ подлинно произвели со-всѣмъ различное во мнѣ расположеніе: насмурно спало въ душѣ моей.

Теперь позвали провожащаго моего къ Губернатору, а я оспался одинъ. Черезъ нѣсколько минути вышли оба. Губернаторъ принялъ меня съ примѣшнымъ замѣшательствомъ; однакожъ очень ласково вспомнилъ наше давнее знакомство и сказалъ: что онъ читалъ всѣ мои сочиненія и охотно читалъ, что они кой-гдѣ не много остро писаны, однакожъ онъ всегда находилъ въ нихъ удовольствіе.

Теперь мнѣ не до того было. Я увѣрялъ его, что почишаю себя щастливымъ, что могу въ глазахъ его оправдать мою невинность и просилъ

какъ можно скорѣе разсмотрѣть мои бумаги.

„Мнѣ совсѣмъ не поручено,“ возразилъ онъ, „разсмотрѣніе ихъ. Мнѣ только велѣно, запечатавъ ваши бумаги, отправить ихъ въ Петербургъ, и вы сами должны немедленно туда ѣхать.“

Я крайне встревожился, но поспѣшась, просилъ только о позволеніи взять съ собою жену мою, какъ мы еще никогда не разлучались и не можемъ жить другъ безъ друга. Сначала онъ хотѣлъ-было на это согласиться; но послѣ тайнаго напоя-тованія Секретаря его совершенно въ томъ отказалъ. Когда я сказалъ ему, что не могу отвѣчать за то, чѣмъбъ плачущая жена моя не прибы-жала сама къ нему и не оплакивала его, пока онъ согласится на эту просьбу, то отвѣчалъ онъ съ чувствительностію: „Избавьте меня отъ такого зрѣлища! я самъ отецъ и мужъ, и совершенно чувствую ужасное ваше положеніе; но я не могу

помочь, а долженъ во всей строгости
выполнить долгъ мой. Побѣжайте въ
Пешербургъ, оправдайтесь; и много,
что черезъ двѣ недѣли вы будете
опять въ объятіяхъ вашего семей-
ства. Между тѣмъ жена ваша бу-
детъ здѣсь въ хорошихъ рукахъ; мы
будемъ для нее все дѣлать, чего пре-
бываетъ челоуколюбіе и наше собствен-
ное сердце.“

При этихъ словахъ попросилъ
онъ меня войти въ его комнату, и
оставилъ меня, чтобы отдать раз-
ныя приказанія, къ сожалѣнію очень
до меня касавшіяся.

Въ его комнатѣ не нашелъ я ни-
кого, кромѣ молодой женской особы
пріятнаго лица, конечно дочь его. Она
занималась женскою работою, ласково
поклонилась мнѣ, но не говорила, а
только иногда отъ работы взглядыва-
ла на меня. Въ пріятныхъ взорахъ
ея не находилъ я любопытства, а
только состраданіе, и кой-когда
вырывался у нее вздохъ. Легко по-

нѣтъ можно, какъ мало все это могло меня успокоить.

Губернашоръ скоро ворошилъ. Онъ увѣрялъ меня, что нынѣ не шакъ какъ прежде въ Россіи, а строго исполняется правосудіе. — По этому я могу быть покоенъ, отвѣчалъ я. — Онъ дивился, что я своею охотою возвратился въ Россію; также мудро для него было, что я все мое семейство привезъ съ собою. Конечно чловѣкъ, съ опасными замыслами отправляющійся въ путь, не возьмешь съ собою жену, троихъ малыхъ дѣтей, семидесятилѣтнюю няньку, горничную и двоихъ слугъ. Надѣясь на мою совесть, ворошилъ я самъ свою охотую.

Тутъ вошелъ чловѣкъ въ Пешербургскомъ синапскомъ мундирѣ. „Вашъ Г. Надворный Советникъ Іщ... нъ“, сказалъ Губернашоръ, „очень честной чловѣкъ; онъ съ вами поѣдетъ, и вы у него будете въ хорошихъ рукахъ.“

Говорить ли онъ по Нѣмецки, или по Французски?

„Ни то, ни другое.“

Жаль; попому что я по Руски почти совсѣмъ забылъ.

Губернапоръ рекомендовалъ насъ другъ другу; я объяснилъ по Руски какъ умѣлъ, и чего словами выразишь не могъ, то замѣнялъ знаками; я взялъ Надворнаго Совѣтника за руку, пожалъ ее съ чувствительностію и просилъ о его дружбѣ. Онъ ласково усмѣшкою отвѣчалъ на мою прозбу.

„Поспайрись,“ сказалъ Губернапоръ, „какъ можно поскорѣе достаешь покойную повозку, потому что вамъ молчасъ должно ѣхать.“ Я просилъ опсрочки по крайней мѣрѣ до заупрева, какъ я въ послѣднія ночи совсѣмъ не спалъ, четыре недѣли все въ дорогѣ и при дни въ сильномъ душевномъ беспокойствѣ былъ; но въ этой прозбѣ мнѣ должно было опказать. Губернапоръ пригласилъ меня къ обѣду у него, а шамъ совѣтовалъ спынить какъ можно опѣвдомъ. Я опклонилъ приглашеніе и пошелъ съ Губернапорскимъ Секретаремъ.

Часть I.

Г

ремъ въ свой гербергъ. Эпонтъ молодой человекъ при холодной своей физиономіи, по видимому, принималъ участіе въ судьбѣ моей. Онъ жалѣлъ обо мнѣ и увѣрялъ, что Губернаторъ при всемъ своемъ желаніи не можетъ ничего болѣе для меня сдѣлать.

Мы вошли въ мою комнату Милая, любезная жена моя, проведя спрашанной часъ безъ меня, встрѣпила меня съ прискорбнымъ ожиданіемъ въ глазахъ. Я принуждалъ себя казаться покойнымъ и веселымъ. Со всевозможною осторожностію сказалъ я ей, что долженъ ѣхать въ Петербургъ и безъ нее. Къ этому извѣстію прибавилъ я столько утѣшеній и надеждъ, сколько встревоженная душа моя позволяла мнѣ вникнуть; да и Секретарь увѣрялъ, что все дѣло не можетъ продлиться болѣе двухъ недѣль. Но все было напрасно! Христина моя зарыдавъ, бросилась на колѣни и предалась неописанной горести. Она непременно хотѣла со мною ѣхать; хотѣла рѣшительно оснажить милыхъ дѣшей; хотѣла по крайней

мѣръ доѣхавъ со мною до находящейся недалеко отъ Нарвы дачи моей Фриденсаль, откуда до Пепербурга съ небольшимъ тридцать верстъ. Тщешно! во всѣхъ этихъ прозбахъ ей по объяснившимся послѣ причинамъ отказали. И объ ней должно было напередъ описать и донести въ Пепербургъ: ибо о ней никакихъ повелѣній получено не было; должно было осведомиться еще, позволено ли будетъ ей ѣхать домой къ родственникамъ своимъ. До полученія отвѣта (и шакъ по меньшей мѣрѣ недѣли двѣ) должно ей ждать въ этомъ ей съвѣтѣ незнакомомъ мѣстѣ — въ дорожномъ гербергѣ, безъ мужа, съ одною горестью своею; однакожь по испеченіи сего времени не сомнѣвались, что въ ея волѣ будетъ ѣхать куда угодно.

О, еслибъ я исполнилъ уже горестное дѣло описанія спрашавшихъ часовъ до моего отъѣзда! Бѣдная жена моя по съ горькими слезами висла на шеѣ моей, что почти въ безпамятствѣ и рыдаючи лежала на по-

спелъ. Спаршая дочь моя, дѣвочка
 папи лѣтъ, добрая моя Эмми, край-
 не ко мнѣ привязанная, по-минутно
 подходила ко мнѣ и маленькими ру-
 чонками своими обнимала меня. Другая
 прехлѣпная дочь моя не знала, что
 дѣлается и плакала о томъ, что ею
 не занимаюсь, какъ всегда. Меньшой
 мой сынъ, одиннадцати мѣсяцовъ, без-
 заботно улыбался на рукахъ своей
 наньки. Люди мои въ горести бѣжали
 назадъ и впередъ. Въ комнатѣ много
 было тревоги. III... нъ явился; Се-
 нашской курьеръ спалъ въ углу; Се-
 кретарь распечатывалъ сундуки мои, еще
 разъ все пересмотрѣлъ и принялъ мои
 бумаги. Я былъ въ крайнемъ оцѣпенѣ-
 нии, изъ котораго по временамъ си-
 лою опаматывался. Я не заболѣлъ ни
 о чемъ, что дѣлалось въ комнатѣ, но
 съѣлъ на поспѣлъ къ плачущей женѣ
 моей, съ жаромъ искреннѣйшей любви
 обнялъ ее и умолялъ скрѣпиться и
 надѣяться на мою невиновность и пра-
 восудіе Императора. Мы прожили вмѣ-
 стѣ, говорилъ я, столько счастли-

выхъ дней; ешаемъ шеперь переносишь и нещасіе съ швердостію. Оно не можешъ быти продолжительно. Губернашоръ сказалъ мнѣ, что когда я оправдаюсь, то черезъ двѣ недѣли возвращусь въ обѣщанія моей семьи. Теперь, моя милая, докажи, что ты не обыкновенная женщина. Вопль и слезы шупъ ничего не помогутъ. Вѣрной, любящей женѣ должно съ швердостію терпѣть и шолько развѣ упошреблять всѣ въ ея власпи находящіяся средства къ избавленію.

Пошомъ назвалъ я нѣкопорыхъ особъ въ Пешербургѣ, къ копорымъ бы она могла писать, и поручилъ ей какъ можно ошпорожить сообщитъ старой моей матери ужасную эту вѣсть. И Секретарь Вейтбрехтъ обѣщаль мнѣ уже прежде увѣдомить мать мою о моей учаспи (*).

Наконецъ удалось мнѣ ласками моими уговорить такъ жену мою, что она опашъ нѣсколько оправилась. Она

(*) Онъ того не исполнялъ.

встала, поклонилась Ц. . . ну, подала ему руку, и съ тихими слезами просила его имѣть дорогою попеченіе о немощномъ ея мужѣ (она уже слышала, что мнѣ не лѣзя было даже взявъ съ собою ни одного слуги). О, естъ-либъ тысячи видѣли въ эту минушую опимѣнную жену, какъ мило она просила, какъ прекрасна была въ горести, какъ проташельна въ слезахъ своихъ! конечно, ни единое сердце не былобъ нечувствительное, изъ всѣхъ глазъ полились бы слезы. Ц. . . нѣ учтиво улыбался и общалъ все исполнивъ, чего прощая претовала.

Не одинъ разъ спрашивалъ меня Секретарь очень усиленно: *довольно ли у меня денегъ?* — У меня было съ небольшимъ снѣ фридрихсдоровъ, съ пятьдесятиъ червонцовъ и сошны-дѣвталеровъ Саксонскими деньгами, которыя я взялъ изъ Лейпцига для того, что они ходятъ въ Курляндіи. Онъ совѣщавалъ мнѣ обмѣнить все на Рускія ассигнаціи и взявъ съ собою. Я счелъ это не нужнымъ; многого могъ

и издержать онъ Мишавы до Петербурга? Мнѣ же должно было ѣхать черезъ Фриденшаль, гдѣ я увѣренъ былъ въ нужномъ случаѣ найсти деньги. Въ Петербургѣ же были у меня друзья, и я могъ надѣяться на помощь ихъ. Напрошивъ женѣ моей нужны были деньги, и я хотѣлъ всѣ оснанивъ ей. Я сказалъ это Секретарю; однакожъ онъ съ такимъ особымъ видомъ убѣждалъ меня послушаться его совѣту, что я наконецъ, хотя не совсѣмъ, согласился на то. Онъ самъ по благосклонности потрудился обмѣнявъ деньги, и по скорости, съ каковою все должно было дѣлать, доставилъ изрядную цѣну за мое золото.

Изъ большихъ тяжелыхъ сундуковъ кареты моей не могъ я ни одного взять съ собою; для того велѣлъ я, чтобъ слуги мои дали мнѣ свой до половины изорванный чемоданъ, а горничная жены моей старалась уложить въ него бѣлья моего на нѣсколько недель. Сенапской курьеръ споялъ при томъ, и также усиленно, какъ Се-

крепнарь, уговаривалъ меня по - болѣе денегъ съ собою взять, совѣтовалъ горничной гораздо болѣе бѣлья накласть въ чемоданъ. Она почла это совѣтъ не нужнымъ, и напропивъ положила не много. Какъ его въ бѣльѣ не послушали, то онъ настоялъ, что по крайней мѣрѣ постель надобно было взять. Я почелъ это еще ненужнымъ, а онъ пожалъ плечми.

Соображая теперь хладнокровно всѣ эти обстоятельствова, не понимаю я, какъ ни малѣйшее подозрѣние не возродилось въ душѣ моей, что можетъ быть мнѣ должно гораздо далѣе ѣхать. Но я былъ въ смущенномъ оцѣпенѣннѣи и не могъ ясно мыслить. Въ разсужденіи денегъ помню я только, что темно вздумалъ, что онъ могущъ мнѣ нуженъ быть въ Петербургѣ, когда спанешся въ первые дни мнѣ не позволено будетъ видѣть никого изъ моихъ друзей. Я почти не примѣчалъ укладки бѣлья и едва слышалъ то, что о томъ говорили. — Ахъ, вся душа моя занята была то-

ною и дѣтьми! Я ходилъ отъ эшихъ къ той, отъ той къ эшимъ, и попеременно прижималъ ихъ къ груди моей; утѣшалъ тупѣ, ласкалъ тамъ.

У курьера, увидѣвшаго горячность мою къ семейству, навернулись слезы на глазахъ. Тупѣ только замѣнилъ я его и ласково взглянулъ на него; онъ отвѣчалъ мнѣ такимъ же ласковымъ взглядомъ. Женатъ ли ты? спросилъ я его. Онъ мигнулъ слезящими глазами.

„И у меня прое малыхъ дѣтей!“ отвѣчалъ онъ.

Ну, такъ ты меня понимаешь! — Онъ кивнулъ головою и вздохнулъ.

Какъ эшотъ человекъ имѣлъ великое вліяніе на тогдашнюю, а можетъ быть и на будущую судьбу мою (*), то да позволено мнѣ будетъ здѣсь описать его. Александру Ш. . . . ну было лѣтъ тридцать отъ роду; совершенно необразованный, но добродѣтельный человекъ. Лицо его

(*) Въ этомъ я ошибся.

было калмыковато: широкая, круглая рожа, сплюснутый носъ, высокія скулы, маленькіе узенькіе глаза, очень низкой лобъ, черные волосы, болѣе малаго, нежели высокаго росту, широкая грудь и широкія плеча. На лѣвой груди была у него бѣлая, круглая гербовая бляха Сенапскихъ курьеровъ, а около шѣла курьерская сумка съ такимъ же гербомъ. Въ ѣдѣ и питьѣ находилъ онъ крайнее свое блаженство; но онъ былъ неразборчивъ: онъ ѣлъ и пилъ все, что ему попадалось; и по его ухвасткѣ въ томъ потчасъ видно было, что онъ это почишалъ главнымъ дѣломъ жизни своей. Когда онъ на примѣръ ѣдалъ похлебку, то закидывалъ немного голову, совалъ ложку до самой ручки въ ротъ, выливалъ похлебку, вмѣсто чтобы въ ротъ, прямо въ глотку, смотрѣлъ припомъ въ потолокъ и спятивалъ лобъ въ премножество горизонтальныхъ морщинъ, такъ что каждый волосъ на головѣ его шевелился. То же самое дѣлывалъ онъ съ мясомъ; онъ не клалъ

его въ ротъ, а швырялъ въ горло. А иногда оставлялъ кости отъ шелячьего жаркова; онъ потчасъ прибиралъ ихъ и какъ самая большая медеянская собака грызъ все, что въ нихъ хотя немного мозговато или жировато было. Развъ уже слишкомъ велика была рюмка водки, еслили онъ не разомъ выливалъ ее въ глотку. Онъ могъ чрезвычайно много пить водки, и не бытъ отъ того пьянымъ; также безъ вреда могъ мѣшать самые пропивные напитки. Я часно видалъ, какъ онъ по ушрамъ пивалъ чай съ молокомъ, попомъ большую рюмку водки; шамъ кофе, оставшійся послѣ меня; шамъ стаканъ два пуншу, а въ заключеніе ковшъ два квасу, и все эшо въ одну чепверть часа. Также легко, какъ онъ во всякое время дня и ночи ѣлъ и пилъ, могъ онъ и спать, когда только вздумывалъ.

Впрочемъ Александръ Ш.....нъ, при всемъ своемъ невѣжествѣ въ разсужденіи нравственнаго образованія имѣлъ преимущество передъ Ш....нымъ.

Въ немѣ было чувство хотя не глубокое, но быстрое и сильное, которое иногда какъ бы прясло его и пошчасъ оняшь опускало. Онѣ же зналъ кой-что, а Щ. . . . нѣ совсѣмъ ничего. Такъ помню я, что онѣ однажды увидѣвъ кукушку, рассказывалъ Гну Щ. . . . ну, что эта птица кладетъ свои яйца въ чужія гнѣзда, и никогда сама ихъ не высиживаетъ. Щ. . . . нѣ смѣялся ему въ глаза, что онѣ такъ глупъ и вѣришь такимъ пустякамъ. Ш. нѣ сослался на меня, и я утвердилъ сказанное имъ; но Гнѣ Щ. . . . нѣ презрительно взглянулъ на насъ обоихъ. — Что еще бы можно было сказать о Александрѣ Ш. нѣ, то встрѣнешся въ продолженіи исторіи.

Возвращаясь къ моимъ спрда-ніямъ. Въ послѣдніе два часа шаѣхало на дворъ нѣсколько дорожныхъ колясокъ, чтобы я одну выбралъ изъ нихъ и купилъ. Хотя мнѣ и должно было купить ее за свои деньги, но все это была великая милость, что я могъ доснавить себѣ покойную коляску,

вмѣстѣ того чтобъ ѣхать въ кибит-
кѣ, какъ обыкновенно въ ссылку оп-
правляли. Вообще долженъ я сказать,
что и впередъ оказываны мнѣ были
разныя уваженія, которыя однакожъ
не могу приписать чувствительному
сердцу Гна Щ. . . на, но они конечно
свыше были предписаны: ибо прово-
жаемый мой вѣрно бы ни на волосъ
не опустуилъ отъ буквы своей ин-
струкціи.

Предполагая Петербургъ цѣлю
поездки моей, купилъ я легкую коляс-
ку хорошей работы, которая хотя
была на ресорахъ и очень покойна для
недалней дороги, но впрочемъ ни-
какихъ удобностей не имѣла. Однакожъ
мнѣ должно было заплатить за нее
500 рублей.

Жена моя также утѣшалась тѣмъ
нѣсколько, что меня не какъ преслуж-
ника пошлутъ. Она спросила Щ. . . на:
могуль я къ ней писать съ дороги. —
Какъ онъ, такъ и Секретарь увѣ-
ряли оба, что въ томъ никакого пре-
пятствія не будетъ.

В вечеру около семи часовъ все было готово въ отѣздѣ. — Рука моя дрожитъ — сердце бьется — слезы вышупаютъ на глаза. — И теперь еще не могу я безъ жестокой горести вспомнить о той ужасной минутѣ. Да опустяжь мнѣ описаніе ея! У меня не было слезъ, также какъ и у жены моей; сердца наши какъ будто судорогами были сжаты; только моя Эмми и горничная плакали. Я попеременно прижималъ дѣтей своихъ къ груди моей и усердно благословлялъ ихъ. Жена моя безъ памяти упала на постель. Я наклонился къ ней и осыпалъ ее послѣдними моими поцѣлуями. По сіе время казался Секретарь хладнокровнымъ зрителемъ; и я не одинъ разъ чуть-было не извѣдывалъ моей досады о пустыхъ его утѣшеніяхъ, что должно покориться тому; горестъ шептъ ничего не поможетъ и проч. Но теперь и онъ не слезами залился, а зарыдалъ. О есѣлибъ Императоръ, чувствительный Императоръ былъ Самъ при этомъ: Онъ бы

змигъ однимъ словомъ кончилъ все
это бѣдствіе !

Бѣдная жена моя не въ силахъ была отвѣчать на мои ласки ; она тихо рыдала, закрывъ глаза свои. Я поцѣловалъ еще — ахъ ! можетъ быть въ послѣдніе — блѣдныя ея губы и бросился изъ дверей. Люди мои пособили мнѣ сѣсть въ коляску и распрощанные проспились со мною. Я не слыхалъ и не видалъ ничего болѣе. Много любовныхъ собралось въ сѣняхъ ; Секретарь розогналъ ихъ. Коляску везли на дворъ, дабы не надѣлась на улицѣ сѣорища. Я повалился въ нее . . . и мы поскакали !

Тотъ , кто знаетъ человека, пойметъ меня , когда я признаюсь , что я почувствовалъ нѣкоторое облетченіе въ груди , когда миновалась ужасная разлука съ моими домашними , когда коляска все скорѣе капилась далѣе и каждой мигъ болѣе удалялъ меня отъ нихъ. Я могъ опять обратишь мысли свои на будущее: оно по сіе время еще ничего страшнаго мнѣ не представля-

ло. Слѣдствіе въ Петербургѣ, раз-
смотрѣніе невинныхъ бумагъ моихъ,
безпорочной моей жизни предъ лицемъ
правосуднаго Государя, не осуждающаго
безъ выслушанія: вотъ что ожидало
меня; вотъ что шолько могло слу-
читься со мною! . . . Можеть быть
кой-какія непріятности и недоволь-
ное званіе Рускаго языка могли бы
иногда привесити меня въ затрудне-
ніе. Но мнѣ дадутъ, думалъ я, пе-
реводчика. Можеть статься, что
я на нѣсколько недѣль не буду имѣть
привычнаго покоя; ну, это еще не
большая бѣда. . . . Припадки закосѣ-
лой болѣзни, двенадцать лѣтъ меня
мучащей, могутъ сдѣлаться жесточай;
но и въ Петербургѣ есть хорошіе
Врачи. По какимъ же причинамъ могъ
я почипать себя несчастнымъ? Ко-
нечью было это непріятный, но по
всей вѣроятности шолько скоропрехо-
дящій случай. Я ѣхалъ въ Петербургъ
въ покойной коляскѣ; тамъ надѣялся
увидѣть двоихъ сыновей, друзей мо-
ихъ; а это и безъ того было пред-

непомѣ моего путешествія. Конечно оно, снало мнѣ шеперь немного дороже, нежели я думалъ; но я никогда не прилѣплялся къ деньгамъ. — Такъ всѣ эти разсужденія мало по малу совершенно возвратили мое спокойствіе. Человѣколюбивый Губернаторъ Курляндскій общалъ мнѣ въ недолгое время мое отсутствіе мое имѣніе попеченіе о моемъ семействѣ, и сердце его было мнѣ порукою въ его словѣ (*).

Отъ Мишавы до Риги только семь небольшихъ Нѣмецкихъ миль. Темно уже было, какъ мы пріѣхали къ берегамъ Двины, на которой лежитъ прекрасный, гостепріимный этотъ городъ. По причинѣ полои воды, судовой мостъ не былъ еще опять наведенъ и нѣсколько часовъ прошло, пока насъ перевезли. Въ полночь пріѣхали мы къ городскимъ воротамъ, гдѣ курьеръ сошелъ и долго пробылъ въ караулѣ, о чемъ я ни мало не безпокоился. Отъ воротъ поѣхали мы, минуя наспоющій

(*) Последствіе покажетъ, что я въ этомъ ошибся.

городѣ , узкими кривыми улицами къ почтовому двору , гдѣ намъ потчасъ дали свѣжихъ курьерскихъ лошадей. Подорожная наша была на при лошади за указные прогоны. По большой часши припрятали намъ еще одну безъ прогоновъ ; но гдѣ Почтмейстеры не давали лишней лошади и настояли на почтовомъ установленіи , намъ долженъ я былъ заплатить за четвертую изъ моего кармана.

Мы оставили Ригу около часа или двухъ въ самую холодновашую ночь. Истощенная природа потребовала права своего ; меня очень сонъ клонилъ , я опустилъ стекло , прижался въ уголъ и заснулъ. Хотя на первой станціи я проснулся и видѣлъ , что уже разсвѣло , болѣе ни о чемъ не заботился и спарался оцѣпъ сомкнуть глаза.

Но какая кистъ изобразилъ мое удивленіе , ужасъ мой , когда я , часъ спустя , ободрился и примѣтилъ , что мы совсѣмъ не по извѣстной мнѣ Пеллербургской столбовой , но по другой большой , мнѣ совсѣмъ незнакомой до-

рогъ, все по Двинѣ ѣдемъ! Насилу я удержался, что не вскрикнулъ громко. Но особое внушеніе побудило меня молчать и пришивориться. Не могу описать того, что во мнѣ происходило. — Куда меня везутъ? что намѣрены дѣлать со мною? гдѣ хотѣтъ разсма-тривать мои бумаги, и кому это поручено? — Эти вопросы безпрестанно толпились въ головѣ моей.

Пріѣхавъ на станцію, потребовалъ я кофе, чтобы только выиграть время. Кофе тотчасъ заказали; а я между тѣмъ въ ужасномъ смятеніи духа ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Щ. . . . нѣ разговаривалъ на дворѣ у коляски съ Почтмейстеромъ. Курьеръ стоялъ у окна, примѣчалъ его, и вдругъ тайкомъ сказалъ мнѣ: „Федоръ Карловичъ! мы не въ Пешербургъ ѣдемъ, а далѣе.“ Едва спало у меня духу спросить: куда же? „Въ Tobольскъ.“ Насилу устоялъ я на ногахъ. Ни одной жилы не было въ тѣлѣ моемъ, которая не была бы потрясена. „Умѣете ли вы читать по Руски?“ про-

должалъ онъ, присматривая все за Щ. . . . нымъ. Умъю. „Ну, такъ прочитайше подорожную.“ Я читалъ: По Указу Его Императорскаго Величества и проч. отъ Мишавы до Тобольска Гну. Надворному Совѣтнику Щ. . . . ну съ будущимъ при Сенатскомъ курьерѣ по казенному дѣлу и проч.

Я самъ не могу себя вообразить шеперь тогдашнихъ чувствованій моихъ; я былъ *испребленъ*. „Мнѣ очень хошѣлось“, говорилъ курьеръ, „сказать вамъ это еще въ Мишавѣ; но за нами слишкомъ примѣчали. Мнѣ васъ пошчасъ жалъ спало, какъ я увидѣлъ вашу фамилію; у меня по же есть жена и дѣти.“ Я поблагодарилъ его половинными словами. Онъ просилъ меня не давань замѣнить Щ. . . . ну, что онъ мнѣ открылъ, куда меня везуть, потому что онъ де суровой, дурной человекъ. — Я успокоилъ его.

Щ. . . . нъ опять вошелъ. Къ счастью, онъ также мало зналъ лица человеческія, какъ кукушкины яйца,

а то бы непременно замѣтилъ смертную блѣдность лица моего и судорожное содроганіе всего моего тѣла. Онъ выпилъ рюмку водки и ничего не замѣтилъ. — Кофе подали. Натурально, что мнѣ невозможно было выпить ни капли. Я сказалъ, что не здоровъ — ахъ! я болѣе нежели не здоровъ былъ! — Я заплакалъ за кофе, а Щ. . . . нѣ его выпилъ.

Мы поѣхали далѣе. Отъ прѣски коляски я опять немного опомнился, и тогда пробудилась во мнѣ *первая мысль о побѣгѣ*. — Въ Сибирь везущъ тебя безъ слѣдствія, безъ допроса, даже не говоря тебѣ за что? — И такъ не бумаги мои виною моего ареста; а то бы ихъ разсмотрѣли прежде осужденія меня къ ужаснѣйшему наказанію. Долженъ быть другой важной доносъ на меня, который какой нибудь клеветникъ представилъ Императору какъ совершенно уже доказаннымъ. Въ Сибири я буду заживо погребенъ; изъ Сибири не проникнетъ голосъ мой до береговъ Балтій-

скаго моря: опшуда не могу я оправдашь себя; а еспылибъ и смѣлб, шо не знаю, вѣ чемб. — Такб нечего болѣе оспается мнѣ, какб *бѣснво*. — Эша мысль утвердилась у меня и мало по малу спала намѣреніемб.

Предѣ ближайшею спанціею Кокенгузенб, лежатб на холмѣ при Двинѣ живописныя развалины спараго Замка. Онѣ и теперѣ еще весьма пространны, а прежде были, еспыли не ошибаюсь, укрѣпленною резиденціею Ливонскаго Князя, которой шупб долго защищался отб Христіанской разбойничей сволочи, и напоследокб тамб сѣ поддавными своими креспился. Взглядб на эши развалины возбудилб во мнѣ первую темную мысль скрыпшя подб спарыми сводами и лучше тамб умереть сѣ голоду, нежели вхатб вѣ Сибирь. Кб эшой мысли присоединилось еще темное воспоминаніе, что теперешняя дача Кокенгузенб принадлежишб Барону Левенштерну, сѣ которымб я за три года познакомился вѣ Лейпцигѣ, какб сѣ благороднымб

самымъ челоѡкомъ, каковымъ еще до
того починалъ его по слуху. Въ край-
ней нуждѣ, думалъ я, можешь ты ему
открыться; онъ не выдастъ тебя.

Теперь остановились мы у поч-
тового двора. Я всматривался въ ли-
ца Почтмейстера и всей его семьи;
по физіономіи ихъ судя были это въ-
роятно добрые и сострадаательные
люди. Пока запрятали лошадей, то я
пользовался каждою минутою, когда
Щ. . . . нъ опходилъ, и по Нѣмецки
обо всемъ осведомлялся: чье это
помѣстье?

„Барона Левеншперна.“

Гдѣ же господской домъ?

„Тамъ.“ Мы указали его не очень
далеко.

Тутъ ли онъ теперь?

„Нѣтъ; онъ у своего шестя, че-
тырнадцать верстъ отсюда, въ Шток-
мансгофъ.“

Тамъ ли и фамилія его? (я зналъ
супругу его, какъ преосмѣнную жен-
щину, а дѣтей его, какъ достойныхъ
своихъ родицелей.)

„Тамъ.“

На большой ли дорогѣ Шпокманс-гофъ ?

„Да ; вы мимо поѣдете.“

Далеко ли Дерштъ отсюда ?

„Миль съ шеснадцать.“

Болѣе не могъ я разспросить ; лошади были впряжены ; и мы поѣхали. Отыѣхавъ верстъ шеснь , встрѣтилъ ся случай очень мнѣ пріятной. Одна лошадь у насъ зарпачилась и не шла съ мѣсна. Ямщикъ , Ливонецъ , напрасно всячески старался , чѣобъ она пронулась. Курверъ бранился , а Щ. . . нъ ругался ; оба самыми скверными словами чesпили Ливонцовъ. На послѣдокъ курверъ , сидѣвшій на рессорныхъ козлахъ прямо прошивъ ямщика , кулакомъ началъ немилосердно оплеушивать его и шузипъ въ голову. Невиноватый ямщикъ соскочилъ и говорилъ : чѣно онъ не поѣдетъ далѣе , когда съ нимъ пакъ поступаютъ. Отыѣхавъ много взбѣсился Щ. . . нъ. Онъ вышелъ изъ коляски , сломилъ преполстную вѣтвь отъ ближняго дерева ,

схватилъ ямщика за грудь, свалилъ его на-земь и безъ пощады билъ его. Послѣ такого благороднаго дѣла, спрото запрещеннаго законами, приказалъ онъ ему сѣсться и ѣхать. Но ямщикъ воспользовался минутою, какъ курьеръ сажалъ III. . . . на вѣ коляску, и вдругъ побѣжалъ черезъ поле къ ближайшему кустарнику. Курьеръ хотя старался догнать его; но толпъ былъ проворнѣе на ногахъ, и шакъ мы, къ моему удовольствію, спали посреди дороги съ неровисшою лошадью безъ ямщика.

Что дѣлать? Должно было воротиться и какъ нибудь доѣхать назадъ въ Кокенгузенъ. Курьеръ взялся править; но онъ совсѣмъ не умѣлъ ѣхать: все шло криво, косо и медленно, при чемъ несчетныя ругательства доспавались бѣдному Ливонскому народу. Когда говорю *ругательства*, то разумѣю только одно часто повторяемое; ибо у Рускихъ по настоящему одно только ругательное сло-

во, которое однако такъ сильно, что стоить сони Нѣмецкихъ.

Возвратясь въ Кокенгузенъ, Ш. . . въспалъ жестоко жаловаться на убѣжавшаго ямщика, но припомъ осперегался упоминать при томъ о побояхъ и собственномъ своемъ убѣжавшемъ разсудкѣ. Почтмейстеръ легко дополнилъ этомъ недоспакомъ. „Онъ у меня изъ лучшихъ людей,“ сказалъ онъ, и въ конечно очень дурно съ нимъ поступали.“ Въ этомъ заперлись. Почтмейстеръ взглянулъ на меня, и я неприлично кивнулъ головой.

Извѣстно, что простаго человека ничто не можетъ болѣе разгоричить, какъ когда онъ чувствуетъ, что не правъ. Это самое было и съ Ш. . . нымъ: онъ бранился и грозилъ, какъ Почтмейстеру по законамъ нечего было дѣлать, какъ отпрапоршовать начальству въ Ригъ, а между тѣмъ безъ задержанія отправилъ курьера, что впрягли другую лошадь и послали за другимъ ямщикомъ. Одна-

кежѣ это по желанію моему немного промедлилось.

Я не выходилъ изъ коляски. Въ минуту, какъ Ш. . . . нѣ пошелъ въ домъ, подспунилъ почпмейстерской бранѣ къ коляскѣ и сказалъ мнѣ съ видомъ сомнительнымъ: „Ваше имя не означено въ подорожной.“ Я на это не могъ ничего отвѣчать. Еслибъ я зналъ тогда, что послѣ свѣдалъ, что новѣйшимъ закономъ строжайше повелѣно было каждому ѣдущаго въ подорожной именно прописывать, а не глухо *будущимъ* означать, и что того не сдѣлано, а потому Почпмейстеръ имѣлъ право, да и обязанъ былъ, не давая лошадей: то бы тотчасъ выскочилъ изъ коляски и побудилъ бы его поступить по тому праву. Чтобы сдѣлалъ Ш. . . . нѣ безъ лошадей? Ему бы должно было допустить, чтобы напередъ опнеслись о томъ въ Ригу; Губернаторъ Рижской, ничего того не вѣдавшій, освѣдомился бы опять у Мишавскаго Губернатора. Тутъ бы выиграно было время; а

*выигрышь времени, по старой по-
словицѣ, если великой выигрышь.*
Но я молчалъ по невѣднію закона, и
такъ мы послѣ обѣда безъ препятствія
поѣхали далѣе.

Дорогою примѣчалъ я какъ можно
лучше всю страну, особенно положе-
ніе прекрасно выстроенной дачи Шток-
мансгофъ, мимо копорой мы очень
близко проѣхали. Вправѣ у насъ
все еще была Двина, а влѣвъ почти
непрерывно лѣсистые холмы. Часовъ
въ шесть прибыли мы на первую спя-
щую, лежащую уже на границѣ Лиф-
ляндской Губерніи, и гдѣ, если не
ошибаюсь, начинается Витебская.

Теперь, или никогда! думалъ я
про себя. Когда уже выйдешь изъ
Лифляндіи, то не найдешь ни знако-
маго, ни пріятеля, ниже человѣка, ко-
порой бы разумѣлъ языкъ швой. Те-
перь время къ побѣгу, или никогда! —
Для того сказалъ я, хотя еще до-
вольно рано было, что сего дня да-
лѣе не поѣду, потому что мнѣ ну-
женъ покой. Мое желаніе показалось

Щ. . . . ну очень не любо; но онъ безъ
ирекословія согласился на оное: новое
доказательство, что предписанія, ему
данныя, были снисходительныѣ его сердца.

Надобно было сдѣлать пригото-
вленія къ ночеванью, а напередъ къ
ужину. Но почтовой дворъ былъ такъ
несказанно скверенъ и комната такъ
гадка онъ множесхва куръ и свиней,
что я настоялъ, чтобы ѣхать въ
каменную корчму, замѣченную мною въ
недалнемъ разстояніи, которая по ви-
димому обѣщала болѣе удобностей. На-
стоящая же причина моя была та,
что я тамъ надѣялся легче уйми: ибо
я однимъ взглядомъ усмотрѣлъ, что
почтовой дворъ совсѣмъ негодился къ
сему намѣренію.

По неоднокрашнему, усильному
пребыванію моему пошли мы въ корч-
му, едва на нѣсколько сотъ шаговъ отъ
даленную, которая находилась еще на
Лифляндской землѣ, принадлежала къ
Штокмансгофу и была на оккупу Ев-
рея. Она передомъ стояла къ проѣз-
жей дорогѣ, идущей между ею и Дви-

ною. Въ немногихъ шагахъ отъ корчмы начинались лѣсистыя холмы, на которые я болѣе надѣлся.

Курьеръ теперь очень усердно дѣлалъ приготовленія къ ужину. Онъ хвалилъ поваренное свое искусство, закололъ курицу, и обѣщалъ мнѣ опмѣнный супъ. Я прикинулся, какъ будто радуюсь сему ожиданію и между тѣмъ вмѣстѣ съ Щ. . . . вымъ прохаживался взадъ и впередъ передъ корчмою, какъ будто смотря на берегъ Двины и лежащія намъ плоты, а въ самомъ дѣлѣ желая лучше запримѣнить тамошнія мѣста. Кой-когда входилъ я опять въ корчму; и бывъ на минуточку одинъ, пытался, можно ли сдѣлать безъ шруда и шихонько окно. Къ радости моей было оно привязано только ленточкой къ гвоздю и сдѣлывалось безъ всякаго шума. — Щ. . . . нѣ передъ тѣмъ разбиралъ свои бумаги и оставилъ на столѣ съ полдесяти бѣлой бумаги; изъ нее взялъ я въ шорняхъ листъ и потчасъ су-

нулъ его въ карманъ, не зная подлинно, за чѣмъ и на что я это дѣлаю.

Часовъ въ девять курьеръ подалъ невкусную свою куриную похлебку, вынулъ также большую Испанскую колбасу, купленную мною еще въ Кенигсбергѣ и буылку ликеру, привезенную мною изъ Гданска; и эту и другую горничная безъ моего вѣдома въ запасъ положила въ коляску. Я принудилъ себя проглотить нѣсколько ложекъ похлебки и припвораюсь даже веселымъ. Въ этомъ удалось мнѣ лучше, нежели съ ѣдою: душа послушнѣе была шѣла; я при всемъ подчиваньи никакъ не могъ проглотить болѣе немногихъ ложекъ и извинился усалостію.

Тотчасъ спали готовили все для сна. Въ комнатѣ была только одна кровать, которую преимущественно мнѣ хотѣли предославить. Но какъ она стояла въ дальнемъ углу, то сказалъ я, что она для меня очень не чиста, и боюсь гадины; а для того просилъ сдѣлать мнѣ постель у самаго окна на сидульяхъ. Тотчасъ

согласны были на то. Принесли стуль-
сѣя, наклали на нихъ сѣна, послали
сверхъ того мой шлафрочъ и положи-
ли шинель мою вмѣсто одеяла. Я
хотѣлъ лечь совсѣмъ не раздѣвшись,
но долженъ былъ по крайней мѣрѣ
позволить курьеру сѣянуть сапоги
мои. По щасію поставилъ онъ ихъ
близко ко мнѣ. Тогда бросился я на
жесткую свою постель и припворил-
ся, будто онъ уснулоси тотчасъ
заснулъ. Можно себѣ представить,
сколь далеко былъ сонъ отъ меня.

Провожатые мои еще по тѣхъ
норь не ложились, пока оставалось
что ѣсть и пить; а шамъ и они
пошли спать. Щ... нъ легъ на шагъ
отъ меня на лавкѣ; между нами сто-
ялъ столъ, а надъ столомъ было из-
вѣданное мною окно. Курьеръ спалъ
на дворѣ въ коляскѣ, стоявшей подъ
самымъ окномъ.

Скоро удостоверился я, что
Щ... нъ спитъ. Теперь было часовъ
одиннадцать. Тогда былъ полный мѣ-
сяцъ, но небо было облачно. Минуты

была благопріятна, и я готовился приступить къ выполнению моего намеренія, какъ вдругъ совсѣмъ непредвидѣнное препятствіе помѣшало мнѣ: именно, къ несчастію моему, была тогда ночь съ пятницы на субботу. Суббота, какъ извѣстно, есть у Евреевъ шабашный день, и хозяину конечно для приготовленій къ сему дню такъ часто и такъ много было дѣла въ смежной каморкѣ, такъ часто съ женою и дѣтьми со свѣчъ бѣжали черезъ нашу торницу, а въ другой возлѣ насъ такъ много бормотали и пѣли, что М. . . ибъ отъ того поминутно просыпался. Я самъ пришиворился, будто и мнѣ также спать мѣняющѣ и вмѣстѣ съ нимъ сильно ругался. Между тѣмъ, конечно къ моей бѣдѣ, продолжался шумъ до двухъ часовъ, а тогда наконецъ въ домѣ все успокоилось.

Теперь я по немногу приподвнялся на колѣни, распушалъ ленточку у окна и благополучно открылъ его. Открывъ его, услышалъ я, что курьеръ

Часть I.

Ж

въ коляскѣ храпѣлъ. Я щупалъ въ
 потѣмахъ около себя, искалъ сапогъ
 моихъ и шляпы и нашелъ ихъ. Шля-
 пу я надѣлъ, сапоги взялъ въ лѣвую
 руку, а шинель накинулъ на руку.
 Потомъ спалъ какъ можно тише на
 столѣ, удерживая духъ свой и прі-
 оспанавливаясь, когда казалось мнѣ,
 что Щ. . . . въ шевелился. Тамъ
 высунулъ я правую ногу изъ окна и
 искалъ найши, гдѣ опереться ею на
 бревна; но тщетно. До земли я еще
 меньше того могъ скоро достать; ибо
 окно было почти въ вышину человека
 отъ земли. Высунуть другую ногу,
 не держась за что нибудь обѣими ру-
 ками, также было не возможно; но у
 меня только одна рука была свободна,
 когда въ лѣвой держалъ я необходимо
 нужные сапоги. Поэтому мнѣ должно
 было рѣшившись бросить внизъ ши-
 нель и сапоги, не смотря на опас-
 ность, что есѣли Щ. . . . въ про-
 снелся прежде, нежели я самъ выскочу,
 то намѣреніе мое по выброшеннымъ
 вещамъ явно опкроется. — Однакожъ

нечего было мѣшкать. Я полегоньку спустилъ шинель; сапоги шихонько сѣпились на нее. Теперь свободны были у меня обѣ руки; я выскочилъ, одною ногою спалъ на колесо, а другою благополучно на-земь. Курьеръ все храпѣлъ; потому я не оспавилъ опять шихонько прислонить окно, дабы сквозной вѣтеръ не разбудилъ Ш. . . . на, схватилъ потчасъ шинель и сапоги, забѣжалъ за корчму и былъ на свободѣ.

Немедленно надѣлъ я сапоги, закутался въ шинель, отбѣжалъ далѣе отъ корчмы по мокрому лугу и скоро опять очутился на проѣзжей дорогѣ. Намѣреніе мое было идти назадъ въ Кокенгузенъ и склонить Почтмейстера, чтобъ онъ скрылъ меня. Надежда моя на этого человѣка и его семейства основывалась отчасти на чело-вѣколюбивой его физіономіи, отчасти на досадѣ, причиненной ему вчера Ш. . . . нымъ, которая вѣроятно расположила его благосклонно ко мнѣ; а наконецъ большею частію на знашней

суммѣ денегъ, которую хотѣлъ дать ему. Еслибы въ домъ его не было скрышнаго мѣста, то я намѣренъ былъ оставаться въ развалинахъ стараго Кокенгузенскаго Замка, когдабы онъ только доставлялъ мнѣ пищу шуда. Попомъ хотѣлъ я черезъ него утѣдомишь Барона Левеншперна о пребываніи моемъ; а Баронъ бы сообщилъ о томъ подъ рукою женѣ, а она нѣкоторымъ извѣданнымъ друзьямъ; словомъ: я сдѣлалъ такой планъ, коего выполненіе оппюдь не казалось несбыточнымъ, но большее его объясненіе я здѣсь по важнымъ причинамъ долженъ оставишь (*).

Конечно надѣялся я, что еще въ ту же ночь дойду до Кокенгузена, какъ необходимо нужно было, чпобъ Ш. . . нѣ не предупредилъ меня; но Еврей набожностію своею испортилъ расположеніе мое. Теперь было почти при часа и еще ночь, слабо освѣщаемая

(*) Какъ причины сіи теперь не важны, то ниже объясню мой планъ.

закрываемиѣ облаками мѣсяцомъ ; но мнѣ по крайней мѣрѣ надобно было чепыре или пять часовъ , чѣмобъ перейши при Нѣмецкія мили , и должно было ожидать , что Ш. . . . нѣ рано вспанешъ , хвашился меня , потѣнися за мною и наспижешъ . Но положимъ , что онъ и долѣ проспипъ и не такъ скоро узнаешъ о моемъ побѣгѣ : то все не могъ я опиважишься среди дня показаться въ Кекенгузенъ . Не можешъ ли какой кресчянинъ замѣшипъ тогда меня , и даже увидѣшь , какъ я войду къ Почтмейстеру или къ развалинамъ взбираться спану ! а Ш. . . . ну непременно надобно будетъ развѣдывать , да и за всякое показаніе обѣщать изрядное награжденіе . Слѣдовательно все завистло онъ того , чѣмобъ никшо не видалъ меня , кромѣ того , кому должно видѣшь ; для того перемѣнилъ я планъ свой въ томъ , чѣмъ рѣшился , пока еще темнота благопріятствовала мнѣ , идши безоспановочно ; а какъ скоро наспанешъ измѣняющій день , скрыпъся на лѣсистыхъ хол-

махъ, и не прежде слѣдующей ночи продолжая путь свой.

Съ такимъ намѣреніемъ шелъ я далѣе; но уклонялся съ протѣжей дороги, когда только позволялъ по прилежащій къ ней лугъ и придерживался оной въ недалекомъ разстояніи. Я недалеко еще отошелъ, какъ сквозь темный лунный сумракъ увидѣлъ домъ, копорой я вчера призналъ такъ называемымъ кварширнымъ домомъ. Въ Лифляндіи и Эстляндіи находятся много такихъ домовъ по разнымъ мѣстамъ, въ копорыхъ живутъ Офицеры, когда полки спящъ въ той спранѣ, и дома сіи запираются и бывающъ пусты, когда полки выступаютъ. Протѣжая наканунѣ ввечеру мимо этого дома, я его очень заримѣнилъ и усмотрѣлъ припомъ, что какъ дверь, такъ и всѣ оконныя ставни были затворены, и возлѣ того спящая будка также была пуста; я заключилъ изъ того, что теперь никто тутъ не живетъ. Въ такомъ удостовѣреніи и какъ онъ только на нѣсколько селъ

шаговъ былъ отъ проѣзжей дороги, хотѣлъ я пройти у самого дома; но какъ испугался я, какъ вдругъ громовой голосъ изъ будки закричалъ мнѣ: „*кпо иделъ?*“. Я потчасъ спохватился и ошвѣчалъ по обыкновению: *здѣшній*.

„Чпожъ ты шушь за дорогу нашелъ? куда ты идешь?“

Я иду въ Шпокманстофъ.

„Да вонъ тамъ дорога.“

Я въ темнотѣ сбился съ нее (шушь хотѣлъ я поспѣшно удалиться). „Спой! кпо ты шакѣвъ?“ закричалъ часовой гораздо громче.

Тише, братъ! я училель въ Шпокманстофъ и ходилъ ночью къ хорошенькой Жидовской дѣвкѣ. Не сказывай никому, чпо ты меня видѣлъ. — Припомъ сунулъ я ему денегъ въ руку и потчасъ пошелъ на дорогу. Я слышалъ, чпо часовой въ слѣдъ мнѣ что-то бормошалъ, но пустилъ меня, усмирясь выдумкою моею или деньгами. — Это неважное приключеніе шакъ меня напугало, чпо я рѣ-

шился шеперь лучше идти по большо́й доро́гѣ, гдѣ по крайней мѣрѣ неспрранно казалось встрѣтити пѣшеходца, и по которой я сверхъ того, какъ она была ровна, могъ гораздо скорѣе идти.

Едва отошелъ я опять нѣсколько верстъ, какъ очень далеко за собою слышалъ обыкновенную по селамъ шревогу. Во всей Россіи по деревнямъ и въ отдаленныхъ городскихъ частяхъ вѣшаютъ подспую доску промежду двухъ шестовъ, и когда надобно собирать слугъ къ ѣдѣ, или бишь часы, или вдругъ какую шревогу сдѣлать, то колошатъ по ней большимъ деревяннымъ биломъ изъ всей силы и очень часто; такое колоченье очень далеко слышно. Оно попрысало шеперь всѣ члены мои. Это не можетъ быть для сбора людей на какомъ нибудь близкомъ барскомъ дворѣ, думалъ я про себя; ибо заширакалъ еще слишкомъ рано. Также и не часы это бьютъ; потому что тогда послѣ частыхъ ударовъ колошатъ

гораздо рѣже, а теперь не переста-
ють барабаниль по доскѣ. По всему
видно, что Ш. . . . нѣ хвашился меня,
и дѣлаеиъ эту превозу, или прибывъ
уже къ кварширному дому, тамъ
узналъ, что я прошелъ мимо, и бро-
саясь потчасъ за мною въ погоню, ве-
лѣлъ часовому прибараниль всѣхъ
креслянъ.

Я никогда не свѣдалъ, справедли-
во ли было мое чаяніе, попому что
по легкоугадываемымъ причинамъ по-
помъ никогда не могъ говоришь объ
эпомъ приключеній. Довольно, что
эпо колоченье мнѣ показалось очень
недозрительно, и я вмгъ своропилъ
сѣ большой дороги и пошелъ въ самой
густой кустарникъ. Я уже не держал-
ся долѣ параллельно сѣ нею, а ста-
рался сколько можно далѣ отъ нее
отойти.

Сначала попадалъ я по време-
намъ на малыя площади, или и боль-
шіе покосы, черезъ которые опро-
мешью пробѣгалъ, ища крова подъ де-
ревами. Мало по малу кустарникъ ста-

появился чаще. Мнѣ оставалось около тысячи шаговъ до лѣсиснаго холма, до котораго мнѣ хотѣлось добраться; я пошелъ прямо къ нему, не смотря на то, что земля подо мною все влажнѣе спланивалась; но вдругъ очутился я среди болота и на каждомъ шагу по колѣни увязалъ въ шинѣ. Черезъ полчаса, въ которой я очень утруждался, такъ обезсилѣлъ, что принужденъ былъ въ самой шинѣ опдохнуть. Между тѣмъ насталъ день, но не принесъ мнѣ никакого утѣшенія, какъ густые кусты и множество около лежащихъ сосенъ съ торчащими ихъ сухими вѣтвями не допускали мнѣ видѣть впередъ и на десять шаговъ. Однакожъ я рѣшился скорѣе погибнуть въ этомъ болотѣ, нежели искать дороги назадъ.

Опдохнувъ немного, я снова изъ всѣхъ силъ спалъ пробираться далѣе, и черезъ цѣлой мучительной часъ наконецъ достигъ до подошвы холма. Я вскарабкался на него, но онъ показался мнѣ еще очень рѣдокъ, и по-

тому я съ холма на холмъ паскался далѣе. Мнѣ все казалось, будто едали влѣвъ слышу плескъ Двины, и эпомъ шумъ поспавилъ я себѣ въ приимъшу, чпобы не слишкомъ опдалишься отъ большой дороги. Часно находилъ я небольшія, крестьянами проложенныя въ лѣсу дорожки, идущія иногда къ малымъ, среди самаго лѣсу лежащимъ пашнямъ: тогда я потчасъ сворачивалъ, и такъ часно, и такъ разнo, что я наконецъ, особливо какъ небо было облачно, совсѣмъ не зналъ, въ которую сторону мнѣ ввечеру повернуть. Только помъ шумъ ушѣшалъ меня въ эпомъ спрахѣ, и послѣ двадцати, по приняныхъ, по оныхъ ошвергнуныхъ выборовъ убѣжища, наконецъ усмотрѣлъ я густой, самой шемной еловой кустарникъ, въ которомъ спояли двѣ изъ одного пня выросшія и между собою сплешшіяся березы. Эти березы возерашили мнѣ первое сладостное чувство: я спалъ опять думать о доброй женѣ моей; думалъ, что подъ этими березами не можетъ случиться

мнѣ бѣда, и пошому спокойно избралъ
ихъ жилищемъ моимъ на нынѣшній
день.

Теперь было часовъ шесть. Преж-
де десяти часовъ вечера я не могъ по-
думать оспавишь свое убѣжище; и
такъ мнѣ довольно времени было раз-
мыслишь о моемъ положеніи и о томъ,
что для меня можетъ выдти бытъ.
Напередъ очиспился я отъ пины,
какъ могъ. Хотѣлось бы мнѣ и обсу-
шиться; но земля, гдѣ я стоялъ,
была очень влажна и воздухъ того
дня очень холоденъ. Также не могъ я
ходить назадъ и впередъ, пошому что
дерева были очень часты; и такъ я
закутался въ шинель, сѣлъ и присло-
нился спиною къ березамъ. Вокругъ
меня соспавляли ели частой заборъ.
Прощедъ сквозь оныя придцать или
сорокъ шаговъ, находился мокрой по-
лосъ, не великъ въ ширину и ограни-
чиваемый голымъ холмомъ. Сквозь
вѣтви мнѣ видно было, еспли кто бы
проходилъ покосомъ или съ холма. Съ
обѣихъ споронъ у меня и за мною

такъ далеко, какъ только глазами об-
зрѣть можно, былъ все лѣсъ.

Тогда я разсуждалъ такъ: Шток-
мансгофъ долженъ находиться не да-
леко отсюда. Помѣщикъ этой дачи
есть Каммергеръ Бееръ, шесль Барона
Левенштерна. Мнѣ хвалили его благо-
роднымъ человекомъ; да и дочь его
едва ли бы могла быть такая опимѣн-
ная жена, еслибы не обязана была
своимъ воспитаніемъ самымъ благород-
номыслящимъ родителямъ. И такъ я
въ нужномъ случаѣ сего дня ввечеру
могу опнесись и къ Каммергеру и, по
его расположенію, могу ожидать отъ
него, еслили не помощи, то хотя по-
щады, а можетъ быть и хорошаго со-
вѣта. Но эту мысль оспаривали опять
разныя причины: не поѣдетъ ли Ц... въ
топчасъ на эту дачу, и не потребуетъ
ли какъ отъ помѣщика, такъ и отъ
крестьянъ именемъ Государя, чѣмъ
искали меня, или когда я самъ со-
бою шуда явлюсь, чѣмъ взяли меня? —
Могуль я дойти до Господина Беера,
не продравшись напередъ сквозь пол-

ну слугъ, которые всё меня увидяшъ и поному уже Господину своему невозможнымъ сдѣлаюшъ приняшъ меня подъ свою защиту? — При томъ Каммергеръ такой человекъ, котораго собственное его сердце должно убѣдить, и я не смѣю надѣяться склонить его на свою сторону ожиданіемъ какого нибудь прибышка. — И такъ лучше опасаться мнѣ при первомъ моемъ планѣ, добравшись до Кокенгузенскаго почтового двора: ибо хотя и тамъ Щ. . . . нѣ сдѣлаюшъ преволгу и упредивъ, то я однакожъ увѣренъ, что тамъ еще болѣе радованъсь будущъ его заботѣ и мнѣ охотнѣе помогутъ, особливо, когда я сумму, которую онъ будетъ обѣщать за пойманіе меня, удвою, чтобъ напротивъ меня не брали. — Между шѣмъ, имѣя теперь цѣлой день времени, не худо будетъ, естли я пригошовлюсь на всё возможные случаи.

Послѣ сего мысленнаго совѣщованія вынувъ я изъ кармана листъ бумаги, которой въ прошедшій вечеръ взялъ

съ собою, разодралъ его на разныя
 часпи, и карандашемъ на колѣнѣ мо-
 крыми, почпи окостенѣлыми пальцами
 написалъ письмо къ Господину Бееру,
 другое къ женѣ моей и еще нѣсколько
 записочекъ, о содержаніи коихъ те-
 перь еще не могу упомянуть. Въ этомъ
 дѣлѣ помѣшала мнѣ возстающая гроза,
 копорая съ сильными ударами все бли-
 же подходила и прямо надъ моею ге-
 ловою мимо шла. Хотя я очень зналъ,
 что во время грозы опасно остано-
 вливаться подъ высокими деревьями,
 однакожъ я совсѣмъ не думалъ уйти
 изъ моего убѣжища; да и признаюсь
 еще, что не одинъ разъ опъ всего
 сердца желалъ, чтобъ благодѣтельный
 ударъ громовый прекратилъ мою жизнь.
 Я безъ того всегда представлялъ себѣ
 такую смерть самую желательнѣйшую,
 а въ шеперешнемъ положеніи моемъ
 она мнѣ вдвое любя была. — Желаніе
 мое не исполнилось. Гроза прошла ми-
 мо съ ужаснымъ градомъ, копорой ма-
 ло по малу спалъ проливнымъ дождемъ.

По тѣхъ поръ только ноги мои до коленъ были мокры, а шея и прочія часни тѣла промокли до кости, и сверхъ того земля такъ была мокра, что я не могъ долѣ сидѣть на ней. Однакожъ эшотъ дождь доставилъ мнѣ крайнее услаждение, потому что пересохшій языкъ мой прильнулъ во ршу. Я подспавалъ ротъ подъ каждую еловую иглу, гдѣ только висѣла капелька, и жадно всасывалъ ее. Никогда не чувствовалъ я болѣе, какъ сильно начерпано библейское изображеніе богача во адѣ, когда онъ только капли воды на языкъ свой просилъ. — Обсосавъ всѣ капли вокругъ, опивахся я на нѣсколько шаговъ далѣе и вездѣ слизывалъ дождь, гдѣ только могъ языкомъ достать. Но и это надобно было съ великою осторожносшю дѣлать: ибо часпо, когда манила меня капелька на вѣткѣ и я съ алчносшю только неосторожно приближался, то упала она, когда еще я не подспавилъ рта, чтобъ она могла попасть. Такъ я сначала

ла много капель поперялѣ; однакожѣ скоро примѣшилѣ, какѣ мнѣ сноровляться, чпобѣ отъврашпѣ такую неудачу, и послѣ у меня немного ихѣ пропадало. Но, кѣ нещаспю, скоро безѣ зову явилось солнце ко мнѣ вѣ гѣспп; оно показалось и оппняло у меня скудное мое пппѣе. Около полудня нп одной уже капли не видапѣ было, и слѣды ихѣ на вѣшпвяхѣ засохли.

Доселѣ ухо мое не слыхало никакого оппѣ челоѣка прѣисходящаго движѣнп, кромѣ нѣсколько разѣ скорой ѣзды по недалней дорогѣ, кошорую я почиталѣ большою дорогою, и пошому воображалѣ, что Ш. . . нѣ разѣѣжалѣ вѣ моей коляскѣ. Теперь (ѣто было около полудни) вдругѣ испугалѣ меня звукѣ, кошорой для меня страшнѣе грома былѣ; я услышалѣ лошадиной топотѣ. Тогда задержалѣ я духѣ вѣ себѣ и прислушивался. По лугу вдоль и поперегѣ скакалѣ крѣстпанинѣ, оглядывался вездѣ, взѣѣхалѣ на голой холмѣ, сбѣѣхалѣ оппашѣ, и смотрѣлѣ по вѣсѣмѣ кустамѣ.

Наконецъ проѣхалъ онъ и возлѣ самаго убѣжища моего; но закрывающія въспыи сосипавляли непроницаемый заборъ передо мною; онъ не замѣшилъ меня и поскакалъ далѣе. Какъ, по прежнему моему удословренію, не было дороги черезъ вспыи покосъ, то крестьянинъ конечно былъ изъ тѣхъ, которыхъ разослали за мною въ погоню.

Съ полчаса послѣ того показался другой крестьянинъ въ шельжкѣ и вспыи же самосъ покосъ, но проѣхалъ только поперегъ черезъ него и не оглядывался такъ, какъ прежній. Каждый разъ бросался на-земь и только голову немного приподнималъ, дабы промежуткомъ видѣть все движеніе.

Послѣ полудня замѣшилъ я, что лѣсъ за мною не такъ далеко простирается, какъ я сначала думалъ, потому что я часно слыхалъ проѣзжающихъ довольно близко и одинъ разъ голоса трехъ или чепырехъ рѣзвистыхъ крестьянскихъ дѣвокъ. Какъ онъ конечно не изъ числа ищущихъ меня были, то я удословрился, что под-

ливно должна быть недалеко дорога
черезъ лѣсъ.

Пять часовъ вечера уже было,
какъ я испугался несравненно болѣе преж-
няго: именно, я услышалъ сначала
вдали, а потомъ все ближе, гончихъ
собакъ, ищущихъ съ громкимъ лаемъ,
и между тѣмъ, какъ онѣ перескакали,
голосъ побуждающій ихъ. Я вспомнилъ
Юсифа Пиньяну, котораго также по-
слѣ побѣга его изъ инквизиціонной тюрь-
мы правили гончими собаками. Конеч-
но я зналъ, что въ Лифляндіи не пра-
вятъ людей собаками, что собаки не
моего слѣда ищутъ; но заяцъ, или
лисица, за которою онѣ гонятся, лег-
ко могла бы побѣжать черезъ самой
тѣсной кустарникъ, гдѣ я лежалъ; со-
баки могли бы меня найти, залаявъ
на меня (каковой лай, какъ я, буду-
чи самъ охотникъ, изъ опыта зналъ,
совсѣмъ отличенъ отъ того, когда
собаки ищутъ), и тогда натурально
скачущіе за ними люди найдутъ меня.
Одинъ разъ собаки подлинно не далѣе
какъ на двѣсти шаговъ отъ меня бы-

ли. Я сѣлъ на - земь, закушался въ шинель, и предался моей участи; но, по щастію, звѣрь повернулъ въ другую сторону, лай удалился и не слышась уже было его шакъ близко. По сіе время не знаю, не для меня ли зашѣяна была эта охота, но не безъ основанія думаю, что какъ объ эту пору еще не травятъ зайцовъ, а напротивъ для молодыхъ всячески удерживаютъ собакъ, что вѣрно тогда на охоту выѣхали ради меня. Спанется, что это и паспущьи собаки были, которыя въ Лифляндіи, особливо весною, много вреда причиняютъ дичи.

Кромѣ страха отъ подлинныхъ вещей я долженъ былъ преодолевать и разныя мечты воображенія моего. Черный обгорѣвшій пенъ, въ вышину человека, порчавшій на покосъ шагахъ въ двухъ стахъ отъ меня, почипалъ я разъ двадцать за человека; а какъ начало смеркаться, то воображеніе мое еще гораздо худшую шупку сыграло со мною. Мнѣ почудился шагахъ въ осьмидесяти въ кустарникъ

дородной чловѣкъ въ зеленой лѣпней шляпѣ на головѣ и будио ружьемъ прицѣлился на меня. Я видѣлъ не только фигуру, плашье, но различалъ явственно и черты лица, пріятныя, дружелюбныя. Почивавъ нѣсколько минутъ мечпаніе воображенія моего подлинностію, и думая, что шопѣ чловѣкъ принимаетъ меня за звѣря, я вспалъ, скинулъ шинель, прогалься съ мѣста на мѣсто, дабы его вывести изъ заблужденія, пока я самъ наконецъ выведенъ былъ изъ своего собственнаго.

Вообще думаю я, что еспѣлибъ еще долѣе пробылъ въ лѣсу, то нѣкоторымъ образомъ сдѣлалось бы разстройство въ разсудкѣ моемъ, еспѣли не назвашъ это сумасшесствіемъ. Голова у меня горѣла, въ ушахъ у меня шумѣло и въ глазахъ искры сверкали; приномъ руки и ноги были у меня какъ ледъ холодны, все мое тѣло мокрехонько, и пульсъ бился какъ въ судорогѣ. Я очень чувствовалъ, что не здоровъ, очень не здоровъ, и — скажешь ли, что подкрѣпляло меня при

всѣхъ этихъ страданіяхъ тѣла и души? мысль о женѣ, доброй, любезной женѣ моей. — Когда только хопѣла попухнушь послѣдняя искра силъ моихъ, тогда всякой разъ вспыхивала она опѣ имени жены, которое я шихонько между губами лепеталъ. Иногда бормоталъ я припомѣ еще имя моей Эмми, и каждой разъ ободрялся увывающій духъ мой. Но конечно эти милыя имена были только талисманъ для души, а измощенное тѣло жестоко требовало пищи. —

Теперь былъ вечеръ субботы. Въ среду послѣ обѣда, на послѣдней станціи передъ Мишавой, я въ послѣдніе свѣтъ съ кофе хлѣба съ масломъ, а на другое утро въ Мишавѣ только сухарь. Во весь чепверпокъ и пяшницу я, кромѣ ложекъ двухъ плохой курьерской похлебки, ничего не ѣлъ, да и сего дня еще, выключая немногія дождевыя капли, съѣмъ былъ тощъ. Я чувствовалъ, что непременно долженъ въ скоромъ времени подкрѣпить себя пищею, чтобы не свалился тушъ или на дорогѣ

безъ силъ. — Какаѣ пустякіе вещь деньги! Со мною было рублей около семи сотъ, и я не могъ себѣ ни куска хлѣба купишь! — Къ тому прибавишь еще должно, что съ середи у меня и сна не было: ибо коронкой безпокойной сонъ въ коляскѣ не укрѣпилъ меня. —

Когда шемнѣ спало, то прелесть надо мною бекасъ. Скрытъ и свиетъ его произвели во мнѣ крайне прискорбное чувство. Весною всегда самая лучшая моя забава была ходишь за бекасами; въ Германіи ихъ немного бываетъ, и потому я давно уже радовался тому, что прибывъ въ Лифляндію, съ нѣсколькими пріятелями буду провождать веселые весенніе вечера на снорожѣ. Къ сему воспоминаію такъ жестоко разрушившейся надежды съ быспроною молніею присоединились еще разныя другія, и я со вздохомъ смотрѣлъ бекасу въ слѣдъ. Впрочемъ онъ напомнилъ мнѣ, что онъ никогда ранѣ солнечнаго заката не перелетаетъ, и потому пора мнѣ было выдти изъ моего убѣжища.

Я пошелъ въ ту сторону, гдѣ почиалъ прямѣе выйти на большую дорогу. Мнѣ должно было перейти лѣсную дорогу, и я только что спустился на нее, какъ вдругъ показался длинный рядъ порожнихъ крестьянскихъ телѣгъ, ѣдущихъ скорою рысью. Я только что успѣлъ отскочить въ рѣдкой кустарникъ едва ли на десяць шаговъ отъ дороги, бросишься на-земь и предоставишь судьбѣ, замѣняишь ли меня крестьяне. Они проѣхали мимо, а я продолжалъ путь свой въ предложенную сторону, но скоро узналъ, что я не только далѣе въ лѣсѣ уходилъ, но что и шумъ, который я доселѣ почиалъ за волненіе Двины, былъ только шорохъ древесныхъ вершинъ, слышныи мнѣ теперь со всѣхъ сторонъ. — Что дѣлать? идти ли въ темнотѣ по болошистой, непроложенной дорогѣ? Навѣрное предполагать я могъ, что естели еще разъ въ тинѣ увязну, какъ по ушпру, то не доспанеиъ моихъ силъ выбиться изъ нее. Тогда долженъ я умереть съ голоду,

холоду и ослабленія, и тѣло мое будетъ кормомъ волковъ. И такъ спарался ворошиться назадъ на лѣсную дорогу, съ которой я свернулъ, испугавшись крестьянскихъ телѣгъ. Но и это теперь не легко было, какъ уже очень темно спало, и не прежде какъ черезъ добрые горестные полчаса удалось мнѣ попасть на нее.

И со спѣхомъ пошелъ по дорогѣ. Мнѣ казалось, какъ будто я по ней слишкомъ въ сторону сбиваюсь; и подлинно такъ было: ибо какъ я наконецъ послѣ многихъ извилинъ дошелъ до большой дороги и на первой верспѣ въ темнотѣ кой-какъ разобралъ число, то увидѣлъ, что я едва въ трехъ верстахъ отъ корчмы, гдѣ оставилъ моихъ провожатыхъ. Такъ мнѣ еще надобно было идти добрыхъ чешыре часа съ половиною, чтобы добраться до Кокенгузена. Безъ подкрѣпленія это совѣмъ не возможно было. Двина, шумѣвшая теперь дѣйствительно у ногъ моихъ, призывала меня; я соскочилъ въ нее, почерпнулъ

Часть I.

И

воды нѣяною и ушолѣвъ малѣшую мою жажду съ нѣкопорою неосторожностію. Скоро почувствовалъ я ужасный рѣзъ въ животѣ и горло мое такъ болѣло и опухло, что я насилу могъ глотать. Но движеніемъ ходьбы надѣялся я однакожъ все это перемочь. Я шелъ; но по большой дорогѣ еще показывались люди, и я не могъ продолжать безпрепятственно путь мой. То должно было мнѣ вдругъ сворачивать въ ближній кустарникъ, чтобъ скрыться отъ встрѣчающихся; то обходить далеко кругомъ, чтобъ миновать корчму, въ которой слышалъ шумящихъ крестьянъ. Часто сторожкая собака, почувавъ меня, издали на меня лаяла и принуждала сворачивать то раздо въ сторону; ибо не только по лаю могли меня найти, но и у меня для обороны отъ лихой крестьянской собаки ничего не было, кромѣ маленькихъ ножницъ, которыя нечаянно нашелъ въ карманѣ. Правда, я уже въ лѣсу вздумалъ ошломить себя постою дубину; но силъ у меня на то

же было. Я надѣялся было на случай идни по берегу Двины; но весь берегъ занявъ былъ большими плотами, на кошорыхъ горѣли огни и ходили люди. Въ такихъ обспоятельстввахъ мнѣ должно было по прокрадыванься по большой дорогѣ, по ползни кушарникомъ, по карабкаться по берегу; и такъ прибылъ я наконецъ съ прудомъ въ дачу Шпокмансгофъ. Она лежишь на холмѣ, по кошорому проспирается садъ съ перрасами до большой дороги, куда выходятъ рѣшетчатныя садовыя вороша. Въ домѣ на холмѣ видѣлъ я еще кой-тѣ огонь; но въ верхнемъ жильѣ онъ скоро погасъ совсѣмъ, а въ нижнемъ оставалось только нѣсколько освѣщенныхъ оконъ.

Я попытался отворить защелку у воротъ; онъ отворились. Теперь споллъ я въ нерѣшимости. Я чувствовалъ, чю едва ли дойду до Кокентузена: ибо я уже не шелъ, а шатался только какъ хмѣльной; боль въ животѣ также не унялась, и опухоль въ горлѣ почти задушала меня. — Нако-

Итакъ я вошелъ въ садъ, гдѣ аллея между высокими кустами шла прямо къ дому. Я вдали увидѣлъ бѣлую фигуру. Станетъся, думалъ я, чпо это прогуливающаяся женщина. Для меня бы теперь всего лучше было встрѣпипчься съ нею: ибо въ женщинахъ обыкновенно состраданіе гораздо сильнѣе, и онѣ скорѣе помогаютъ, не взвѣсивая напередъ холодносердечно каждое *но*. Я пошелъ прямо на эту фигуру; — это былъ каменный Непшунъ въ бассейнѣ.

Тутъ я опять спалъ и размышлялъ. Снова представились мнѣ всѣ причины, которыя я по упору приводилъ себѣ противъ убѣжища въ этомъ домѣ. Я опять собрался съ силами, поспѣшно вышелъ изъ саду, и продолжалъ путь свой. Съ полверсты еще упорсппвовала душа моя противъ тѣла; но и теперь вопіющая потребность его преодолѣла и я не могъ далье брести. Изнуренный голодомъ, изнеможеніемъ и болью, бросился я на песокъ

и едва не предался отчаянію. Признаюсь, что тогда въ первые представилась въ душѣ моей мысль о самоубійствѣ; и еслилибъ вмѣсто маленькихъ ножницъ былъ у меня кинжалъ, которой прежде обыкновенно у меня въ карманѣ бывалъ, то можешь бышь, что я бы самовластно прекратилъ жизнь свою. Но этотъ кинжалъ я, прощаясь съ женою, отдалъ ей, думавъ тогда, что естели въ Петербургѣ его у меня примѣняшъ, то — Богъ знаетъ, что подумашъ. Того бы можешъ быть никакъ не повѣрили, что я имѣлъ его для обороны, когда часто на цѣлыя мили уходилъ впередъ отъ своей кареты и когда злыя собаки легко могли напасть на меня. И такъ одна дальновидная предосторожность побудила меня вручить кинжалъ женѣ моей; и теперь еще благословляю я эту предосторожность: „ибо мудрый, говоритъ Сенека, не долженъ торопливо оставлять свѣтъ, хотя бы разумъ и повелѣвалъ умереть: онъ не убѣгаетъ, а отступаетъ.“

Но, о Боже! съ какими по-видимому неважными бездѣлицами сопряжена судьба наша! — Ешьялибъ я по утру въ ту минуту, какъ вылезалъ изъ окна, протянулъ только руку и взялъ лежавшій еще на ешолѣ хлѣбъ, тѣ конечно онъ бы подкрѣпилъ меня къ выполнению перваго моего намѣренія. Теперь оставались мнѣ двѣ дороги: или на всякую опасность спасшисъ на дачу Штокмансгофъ, или до слѣдующаго утра опянь искать убѣжища въ лѣсу. Послѣднѣе советѣ невозможно было; ибо откуда бы я на другой вечеръ безъ всякаго подкрѣпленія взялъ болѣе теперешняго силъ? И такъ оставалось мнѣ только первое отчаянное средство, и отдохнувъ немного, поспѣшилъ я съ трудомъ назадъ къ садовымъ воротамъ.

Огонь еще сверкалъ въ нижнемъ этажѣ налѣво. Я пошелъ черезъ садъ, и взошедъ на двѣ террасы, былъ у другихъ воротъ, ведущихъ на дорогу между домомъ и садомъ, который также только защелкою съ засовкою за-

ложены были. Отворивъ ихъ тихонько, очутился я въ прехъ шагахъ отъ лѣспницы и сѣнныхъ дверей. Я взошелъ на лѣспницу, повернулъ къ окну лѣво и посмотрѣлъ въ покой, откуда свѣпился огонь. Я увидѣлъ прехъ молодыхъ дѣвушекъ, кобечне горничныхъ, конторыя готовили свои постели. Разъ съ десяти изгибалъ я пальцы свои, чшобъ постучать въ окно, и разъ десяти опанъ опнималъ ихъ. Однакожъ наконецъ преодолѣо чувство совершенной безпомощности моей; я постучался: дѣло было уже сдѣлано.

Одна изъ дѣвушекъ вышла со свѣчею, отворила сѣнныя двери и спрашивала, что мнѣ надобно? — Я охриплымъ голосомъ просилъ у нее куска хлѣба. — Она съ удивленіемъ на меня емотрѣла. Она была пригожая дѣвушка, съ доброжелательнымъ лицомъ; но весь мой видъ и робость натурально внушали ей подозрѣніе. Она сказала, что уже поздно, господа почиваютъ и всѣ мушны изъ слугъ спятъ уже.

и потому она не можетъ мнѣ теперь достать хлѣба. — Сжался, моя милая! отвѣчалъ я; я весь день пробылъ въ лѣсу, не ѣлъ и не пилъ ничего и никакъ не могу идти далѣе.

„Боже мой! въ лѣсу? въ такую погоду? а за чѣмъ?“ При этихъ словахъ она окинула меня съ головы до ногъ, и потомъ съ робоспѣію поспушила.

Я угадалъ ея мысли. — Не бойся ничего, сказалъ я; я не разбойникъ, не нищій. Въспъ у меня довольно денегъ (я вынулъ кошелекъ мой изъ кармана и показалъ ей золотую мою часовую цѣпочку). Но участь моя плачевна; мнѣ надобно поговорить съ своимъ господиномъ.

„Онъ почиваетъ.“

Здѣсь ли Баронъ Левенштернъ?

„Нѣтъ, онъ въ Кокенгузенъ и завтра только пріѣдетъ.“

Но фамилія его?

„Почиваетъ вверху.“

Здѣсь ли и дѣвица Плашеръ?
(Эта дѣвица Плашеръ предлюбезная мо-

лодая дама, живущая у Левенштерн-ской фамилии и бывшая съ ними въ Лейпцигѣ.)

„Здѣсь.“

Не лзя ли ее разбудить?

„Я не смѣю.“ Какъ я ее убѣдительно-образомъ просилъ, по совѣновала она мнѣ покаместъ идти къ писарю и тамъ пробить до утра. Но между эшимъ разговоромъ я мало по малу пробрался въ комнату. Крайняя нужда заснавила меня бытъ безчиннымъ, и я сказалъ, что съ мѣста не пронусь, и останусь на ночь на стоявшей шумѣ софѣ. Всѣ при дѣвушки были въ крайнемъ недоумѣнн, ибо между тѣмъ и тѣ обѣ подошли и любовынно осматривали меня.

Богъ знаетъ, чѣмъ бы еще кончилось это произшествіе, естлибъ онѣ произшедшаго онѣ того шуму не проснулись. Каммергеръ съ своею супругою, спавшіе возлѣ той комнаты направо. Госпожа Бееръ позвала дѣвушку. Я тотчасъ хванился въ карманъ, опдалъ ей писанное въ лѣсу письмо и

проеилъ ее вручитьъ его своему барину. Она пошла, а я въ сомнительномъ ожиданіи бросился на софу.

Черезъ нѣкоторое время дѣвушка пришла назадъ и сказала, чтобъ я не моего дождалъ; она скоро доставитъ мнѣ кушанья и баринъ ея тотчасъ самъ будетъ. Она ушла, а я остался опять одинъ на нѣсколько минутъ, минутъ такихъ, которыя не должно считать по обыкновенному времени теченію.

Наконецъ вышелъ Камиергеръ человѣкъ колюбивый и въ лѣсахъ господинъ, но крайнее затрудненіе примѣпно было на лицѣ его. Я теперь не помню, что высказалъ ему тогда; это были только опривисныя слова, а письмо мое уведомило его уже обо всемъ. Онъ просилъ меня быть спокойнымъ, и напередъ укрѣпить себя пищею и питьемъ; а послѣ мы посовѣшуемъ, сказалъ онъ, что можно сдѣлать. Вскорѣ пришла и супруга его. Въ ея лицѣ при первомъ взглядѣ узналъ я черты доброй ея дочери, и это снова меня обра-

рило. Я въ короткихъ словахъ разсказалъ непонятную судьбу мою и видѣлъ соспраданіе ихъ, однакожъ не безъ примѣси удивленія, а можешь быть и подозрѣнія, что я не совсемъ же правъ быть долженъ; ибо конечно какъ могли добрые къ законному порядку привычные люди почесать возможнымъ такое печеніе правосудія безъ важныхъ къ тому причинъ.

Между тѣмъ поспѣвали мнѣ всякаго холоднаго кушанья и я съ жадностію проглотилъ нѣсколько кусковъ. Но какъ скоро первая, самая нудящая потребность утолена была, то возобновилъ я прозьбу мою о помощи и спасеніи, надѣясь получить оное, если Каммергеръ опомлется меня въ дальнія свои деревни по крайней мѣрѣ до шѣхъ поръ, пока можно будетъ взять другія мѣры. Я примѣнилъ ясно, что господинъ Бееръ колебался и спорожекъ у всѣхъ клонилъ ихъ на мою сторону. На лицѣ супруги его также мелькала надежда для меня, какъ

здрутъ вошелъ человекъ, о которомъ и теперь еще не могу вспомнить безъ крайняго отвращенія. Мнѣ представили господина Проспеніуса — имя его чпо - шо на эшо похоже (*) — изъ Риги, какъ пришла домашняго. Онъ самъ утверждалъ, что прежде знавалъ меня; но я не могъ о немъ вспомнить. Чиншель да вообразилъ себѣ его пригожимъ человекомъ, съ ласковѣйшею наружностію и самою утихою холодностію въ лицѣ, который непріятнѣйшія вещи, раздирающія сердце другаго, могъ рассказывать съ равнодушною улыбкою, какъ будио сообщаешь радостнѣйшія вѣсти.

Теперь свѣдалъ я, что Щ. ... нѣ въ самомъ дѣлѣ въ крайнихъ суепахъ былъ уже здѣсь; что онъ повѣспилъ во всемъ околѣдѣ, чтобъ меня поймали; что онъ въ тошъ еще день обѣдалъ на этой дачѣ и потчасъ отправился въ Ригу, куда вѣроятнѣе уже

(*) Его не такъ звали, какъ я узналъ госа; но — за чѣмъ мнѣ его называть?

теперь пріѣхалъ. Г. Простеніусъ, не знавъ совершенно расположенія къ спасенію моему, объявилъ, что оно совершенно неудобноисполнимо. Онъ утверждалъ, что Каммергеръ подвергнетъ себя опасности, и такимъ образомъ ошнудъ мнѣ помочь не можетъ; но — думалъ онъ — я все де довольно времени вытралъ моимъ побѣгомъ, какъ меня теперь должно подбъ вѣрнѣйшимъ присмотромъ отправить въ Ригу. Тамъшній Губернаторъ ни о чемъ не свѣдуецъ, и потому непременно долженъ будетъ донести обо мнѣ въ Петербургъ, а тамъ можетъ многое перемѣниться.

Тщешно представлялъ я, что при неслыханномъ образѣ, какъ со мною поступлено, никакъ не лзя будетъ такимъ способомъ перемѣнить что нибудь. Каммергеръ, кошорому Г. Простеніусъ не давалъ по сихъ поръ слова выговорить, а какъ будто предписывалъ ему все, что ему дѣлать и не дѣлать, теперь для утѣшенія мо-

его перебилъ: „да вы можете опсюда
написать къ Государю.“

Могуль я это? возразилъ я пош-
часъ.

„О, конечно! сказалъ господинъ
Бееръ; и я даже беру на себя доспа-
вить эту прозьбу черезъ двоюроднаго
моего брата, Генерала Ребиндера, тепе-
ршняго Комменданта Пешербургскаго.“

Я оердечно благодарилъ его за его
доброе намѣреніе. Любезный Г. Про-
спениусъ хотя и шумъ думалъ - было
дѣлать возраженія; однакожъ при
томъ осталось.

„Но, спросилъ ласковой дѣшинка,
чегожъ вы впрочемъ боипесь ѣхать въ
Тобольскъ?“ Я посмопрѣлъ на него
и горько усмѣхнулся. „Не шумя“,
продолжалъ онъ, „шуда посылаюшъ
многихъ честныхъ людей и сказы-
ваюшъ, что тамъ теперь очень хо-
рошее есть общество.“

Я не требую никакого другаго
общества, сказалъ я, кромѣ жены
моей и дѣтей.

„Какимъ же образомъ васъ опсправи-
ли?“ спросилъ онъ, далѣе.

Я отвѣчалъ ему, что Надворный
Совѣтникъ изъ Пешербурга и Сенап-
скій курьеръ провожали меня.

„А другаго караула не было? Безъ
солдатъ?“

Нѣтъ.

„Ну, изволише видѣть, съ какою
честію! чегожъ вы еще хошите?
Надобно покориться этому, продол-
жалъ онъ, увидя, что представленіе
такой честии не дѣлало никакого впе-
чатлѣнія во мнѣ; вѣтъ вы Философъ!“

Я мужъ и отецъ! отвѣчалъ я.]

Г. Просперіусъ улыбнулся; у
госпожи Бееръ навернулись на глазахъ
слезы; Каммергеръ напомнилъ, что уже
поздно и что мнѣ нужно укрѣпиться
сномъ, дабы завтра съ новыми сила-
ми опсправиться обратно въ Ригу. Не
знаю, отъ чего мнѣ совсѣмъ не про-
тивна была мысль ѣхать назадъ въ
Ригу, по крайней мѣрѣ тогда не зналъ
я того. Послѣ конечно чувствовалъ
я, что это въ самомъ дѣлѣ было

только оболъщеніе сердца моего, мечтавшаго бытъ щасливѣымъ въ близки жены и дѣтей. По настоящему же все равно было, шибъ ли бы меня потчасъ выдали Щ.... ну, или еще бы опянь на показъ послали въ Ригу.

„Во флигелъ,“ сказалъ Каммергеръ, „стойши гошова постель; пожалуйше извольше на ней почивашъ.“

Я пошелъ. Вышедъ изъ стѣнныхъ дверей, примѣшилъ я, что меня около полдесятка кресъянъ провожали на маломъ разстояніи до флигеля. Я подумалъ, что это было изъ любопытства, и не воображалъ, чтобъ вліяніе Г. Просперуса могло скланитъ благородномыслящаго человека сдѣлать шюрму изъ госпожиной своей.

Въ спальнѣй комнатѣ нашелъ я нѣсколько занятыхъ уже постель, гдѣ всѣ крѣпко спали. Не заботясь болѣе объ нихъ, я пошелъ потчасъ къ назначенной для меня. Раздѣваясь примѣшилъ я, что ставни снаружи закрывали. Какъ я никогда не могъ шер-

вѣль спать такъ, какъ бы въ мѣшкѣ, то просилъ уволишь меня отъ этой учтивости; ибо я считалъ, что это потому дѣлается (обыкновенно думающъ затвореніемъ спавшей доспавишь госпіямъ продолжительной и покойной упреннѣй сонъ). Но человекъ вышелъ изъ комнаты, не оповѣчая мнѣ, а на дворѣ продолжали все затворятъ, дабы я не выскочилъ въ другой разъ изъ кѣшки.

Сказать ли мысли моего сердца? Увѣряю честно, что мнѣ совсѣмъ не приходило на умъ опять бѣжать; но также честно увѣряю, что за мѣстѣ господина Беера, при самыхъ нѣжныхъ понятіяхъ о подданнической обязанности я бы не простеръ такъ далеко предоспорожности. Положимъ даже, хотябъ Ц. . . въ предъявилъ вышешее повелѣніе везти меня — въ чемъ однакожъ сомнѣваюсь, какъ у него ничего не было, кромѣ подорожной, въ которой даже не означено было

Часть I.

I

ное имѣ (*): то поистинѣ досаждательно было поставитъ караульныхъ только у двери и оконъ. Еслилибъ мнѣ хитростию или по щастію удалось обмануть этихъ караульныхъ, тогдабъ господину Бееру не за что было ошвѣчать; ибо какъ можнобъ было отъ него иреговать, чтобъ онъ въ домъ у себя имѣлъ въ запасъ запоры и оковы для государственныхъ арестантовъ? — Ахъ, Простеніусъ! Простеніусъ! и это было мое дѣло! ны хотѣлъ, чтобъ въ моей спальнѣ также было темно, какъ въ моемъ безжалостномъ сердцѣ.

Отъ совершеннаго изнуренія я скоро погрузился въ безпокойной, но доняни часовъ утра продолжавшійся сонъ. Пробудясь, я тотчасъ вздумалъ о прошеніи къ Государю. Я вспалъ, одѣлся, сѣлъ къ столу, на кошоромъ нашелъ бумагу и чернила, и писалъ, что внушали мнѣ сердце мое, невин-

(*) Я ошибся. Онъ подлинно предвѣщалъ неведѣніе.

послѣ и возмущенное чувство. Во время писанія принесъ мнѣ слуга завтракъ, и прочіе спавшіе въ этой комнатѣ вспали. Я ни о чемъ не заботился. Кончивъ прошеніе къ Государю, написалъ письмо къ Графу Палену, претѣ къ Графу Кобенцлю, Австрійскому Посланнику въ Петербургъ, и наконецъ четвертое къ милой женѣ моей. Я было началъ уже пятое къ Генералъ-Прокурору, какъ ласковой Г. Простеиусъ съ гладкой рожей вошелъ и улыбаясь увѣдомилъ меня, что вчерашнее намѣреніе наше послать меня въ Ригу разрушилось отъ того, что сей часъ явился Ш., . . . нѣ и пребудетъ меня.

Такъ меня ему выдадутъ?

Онъ пожалъ плечми. „Что дѣлать? . . . Даже и прошеніе къ Государю не можетъ Каммергеръ, по лучшемъ обдуманіи, никакъ доставить черезъ брата своего Генерала Ребиндера.“

Но онъ мнѣ это не одинъ разъ самъ собою обещалъ!

„Онѣ не смѣетѣ, чтобѣ самому не попасѣ въ бѣду; онѣ долженѣ будетѣ послаѣ прошеніе къ Рижскому Губернатору, которой доставитѣ его, куда слѣдуетѣ.“

А прочія письма?

„Кѣ супругѣ вашей письмо пойдетѣ также черезѣ Губернаторскія руки; а прочія совѣтовалѣ бы я вамѣ теперѣ совѣмѣ оставитѣ.“ При этихѣ словахѣ онѣ взялѣ прошеніе къ Государю и письмо къ женѣ моей и пропалѣ. Чѣо съ ними сдѣлано, того и по сей часѣ не вѣдаю. Чаятельно, чѣо ихѣ подлинно послали къ Губернатору; а онѣ можетѣ быть опасался отправитѣ, и за лучшее почелѣ сожечѣ ихѣ (*). Можетѣ быть это къ моему щасію; можетѣ быть Г. Просперіусѣ жестоко-сердіемѣ своимѣ оказалѣ мнѣ великую услугу. Прошеніе къ Императору не совѣмѣ было шакowo, какѣ бы надлежало быѣ къ сему Государю; я

(*) Читайтель увидитѣ далѣе, какѣ благородно поступилѣ Рижской Губернаторѣ.

въ немъ слишкомъ ссылался на право и невинность. Чипая оное, Онъ никакъ бы не могъ быть доволенъ, а эпо бы могло только вредить мнѣ. Изъ него же свѣдалъ бы Онъ и о побѣгѣ моемъ, и легко бы спалось, чпобъ почелъ эпо виновною непокоривостію. Правда, я въ прошеніи именно прописывалъ, что Губернапоръ Курляндскій, копорго я знаю, имевемъ Его Императорскаго Величества увѣрилъ меня, что я поѣду въ Петербургъ; а совсѣмъ незнакомый мнѣ человекъ, не могущій предъявить мнѣ повелѣнія Императорскаго, хочетъ тащить меня въ Сибирь. Кому жъ мнѣ вѣрить, Губернапору, или Надворному Совѣтнику? Но какъ уже сказано, все эпо дѣло было слишкомъ запушано, чпобъ я могъ ожидать какого дѣйсвія отъ самаго яснаго, самаго убѣдительнаго предсшавленія; оно могло только еще болѣе раздражить, и я послѣ часно желалъ, чпобъ совсѣмъ не писалъ этого прошенія. То же самое было съ немногими спроками къ женѣ моей. Я упо-

минулъ въ нихъ о гореспиномъ положеніи моемъ въ лѣсу и говорилъ о вѣчной разлукѣ; добрая жена моя моглабы умереть отъ того, когдабы не пригоспоясь получила письмо. Еще разъ: благодарю человека съ гладкой рожей; онъ можетъ быть безъ намѣренія сохранилъ мнѣ то, что для меня всего дороже на свѣтѣ.

Два письма, къ Графамъ Палену и Кобенцлю, остались въ моихъ рукахъ. Я тогда былъ одинъ съ молодымъ человекомъ, ночевавшимъ въ той же комнатѣ, и въ чертахъ лица его видѣлъ доброжелательство и состраданіе. Я посѣбно оборотился къ нему. — Естли у васъ человѣческое сердце, говорилъ я, то отдайте эти письма на почту. — Онъ оторопѣлъ и какъ будто опасался. — Письма не запечатаны, продолжалъ я; прочтите сами невинное ихъ содержаніе, запечатайте сами какою нибудь просною печатью. — Онъ обѣщалъ мнѣ, что естли и не пошчасъ это сдѣлаетъ, то когда минуется первая тревога, выпол-

нимъ, что только въ его силахъ будетъ. — Сдержалъ ли онъ слово? не знаю. Имѣли письма какое дѣйствіе? не знаю; а потому, что не знаю, что и сомнѣваюсь (*).

Молодой человѣкъ лѣтъ осьмнадцати или двадцати, котораго я по лицу его принялъ за сына Барона Левенштерна, вошелъ шеперь и наскоро прибралъ со стола бумагу и чернила, для того, говорилъ онъ, что Ш. . . . нъ, котораго по сіе время удерживали, тотчасъ сюда будетъ. Онъ спросилъ меня, не нужно ли мнѣ что на дорогу? Я попросилъ немного креморъ-паршару. Онъ вышелъ. Тотчасъ за нимъ явился Ш. . . . нъ съ курьеромъ. Онъ ласково поклонился мнѣ и никакого упреку не сдѣлалъ. Я сказалъ ему, какъ умѣлъ, чтобы онъ извинилъ мою недовѣрчивость, что я вѣдурально долженъ былъ повѣрить болѣе Губернатору Курляндскому, нежели ему, совсѣмъ мнѣ незнакому человеку. Онъ по видимому

(*) Все это объясняется ниже.

доволенъ былъ моимъ извиненіемъ, всю вину слагалъ на неумѣстное челоуѣколюбіе Губернатора. — Я видѣлъ, что онъ вынулъ записную свою книжку, далъ караулившимъ меня крестьянамъ сто рублей. Если вы думаете, сказалъ я, что эти крестьяне меня поймали, то ошибаетесь; я самъ собою пришелъ. — Онъ, не удостоивъ меня отвѣта, со вздохомъ отдалъ сто рублей.

Когда онъ попомъ вышелъ для распоряженія всего къ немедленному нашему отъѣзду, то вошла добрая дѣвушка, которая въ прошедшій вечеръ первая со мною говорила, и озираясь безпокойно, шепнула что-то господамъ, шувъ еще бывшимъ. Они тотчасъ ушли, а она тогда поспѣшно подала мнѣ отъ имени своей госпожи (*) холстинной мѣсточекъ съ двумя длинными песемками, и просила, чтобъ я тотчасъ обвязалъ около пѣ-

(*) Я думалъ тогда, что это было отъ Гжи Бееръ.

ла. Тутъ зашило сто рублей, говорила она. Васъ сплануиъ обыскиванъ и опнимуиъ всѣ деньги. Съ этими словами она ускользнула въ дверь.

Я не совсѣмъ понялъ, чего она хотѣла; однакожъ машинально сдѣлалъ то, что она сказала, и только что я успѣлъ, какъ Ш. . . . нъ опять вошелъ.

Добрая благородная женская душа, только усердно пособившая мнѣ въ нуждѣ! понынѣ еще храню я въ цѣлости эпошъ мѣшочекъ, какъ памятникъ своего человеколюбія! — Всегда, какъ я смотрю на него, омочаются глаза мои слезами, и я съ шихою горестію вспоминаю, что въ самое страшное время жизни моей благородная душа чувствовала состраданіе ко мнѣ. Эпошъ шовъ, шипый наскоро вспомогательною рукою для поданія хопя нѣкотораго утѣшенія несчастному, распорется ножемъ моимъ только въ самой крайней нуждѣ. Я съ шѣхъ поръ часто имѣлъ недосыпнокъ и лишался всѣхъ привычныхъ удобствъ.

Часть I.

К

стей; но никогда не могъ рѣшиться дойти до этой священной вещи. Это моя ладонка; съ нею сопряжено благословеніе доброй матери, и я не теряю еще надежды, что нѣкогда возвращу ее въ ея руки. Тогда слезами благодарности заплачу ей проценты за ея вспоможеніе.

Настала минута отъѣзда. Молодой Левенштернъ принесъ мнѣ, кромѣ просимаго лѣкарства, еще шулубъ, суконную шинель, пару бумажныхъ калпаковъ, пару сапоговъ и Богъ знаетъ что еще. Я обнялъ его и просилъ его только уведомить добрую жену мою о моей участи. Онъ мнѣ свято обѣщалъ то. Слезы, навернувшіяся на глазахъ его, ручались мнѣ въ томъ, что онъ сдержалъ слово. Со всѣмъ жаромъ перваго неиспорченнаго чувства и съ полною довѣренностію къ другимъ людямъ, часто столь обманчиво внушаемою симъ чувствомъ, взялъ онъ руку Ш....на и умолялъ его поступать хорошо со мною и не мстить мнѣ за похищеніе къ побѣгу.

Щ. . . нѣ опивчалъ учтивостию точно такъ, какъ онѣ опивчалъ женѣ моей. — Добродушная горничная, коей лицо незабвенно для меня, стояла у окна и плакала. — Г. Проспеніусъ, сдѣлавъ свое дѣло, не казался болѣе; по крайней мѣрѣ я его болѣе не примѣнилъ, и прочіе жители дачи съвѣмъ не показывались. — Запряженная *шелѣга* стояла у флигеля, а коляска моя оспалась на станціи.

Теперь посадили меня съ вещами моими на открытую *шелѣгу*; любопытная толпа зѣвала на меня, и многіе жалѣли обо мнѣ. — Щ. . . нѣ подѣлалъ ко мнѣ, курьеръ за мною, и черезъ часъ пріѣхали мы опять на станцію на Витебской границѣ.

Тѣмъ кончилось покушеніе къ побѣгу. — Толстая почтмейстерша на пограничной станціи весьма обрадовалась, что меня опять поймали. Она уже, какъ сказывала, отправила нарочнаго къ ближнему кварширующему полку и каждую минуту ждала множества солдатъ, которые бы спали

меня обыскивашь. Впередъ совѣно-
вала Ш. . . . ну всегда на ночь нани-
машь караульщиковъ. — Одна лошадь
у нее ошѣ безпреспанной туда и сю-
да ѣзды очень надорвалась ; она зады-
халась и гошова была насѣть. Теперь
только примѣшила эшо добрая жен-
щина ; шогда . шо вѣ сердцахъ напу-
стила она на меня и зикидала меня
всякими бранными словами , шо по
Руски, шо по Нѣмецки. Можешѣ бышѣ
вѣ иное время я бы запрешилѣ ей ру-
гашься ; но шеперь бравъ ея была для
меня какѣ ужаленіе комара для чело-
вѣка на пышкѣ. Иногда только выры-
валась у меня горькая улыбка ; но эшо
еще болѣе ее бѣсило, и я думаю , чшо
она бы напоследокѣ и рукамѣ дала
волю , ешѣлибѣ Ш. . . . нѣ вѣ правду
не вступился. Между шѣмѣ на ея
крикѣ набѣжало множество кресѣьянѣ;
ихѣ было до шридцати , и всѣ шѣ-
снились , разиня ротѣ , вѣ горницѣ и
дѣлали вѣ ней духоту. Вдругѣ Ш. . . . вѣ
всѣхѣ выгналѣ и просилѣ также и
Почшмейстера оставишѣ его одного

со мною. Я изумился, но не пугался; я почувствовалъ какую-то рѣшимость, внушаемую только опчаяніемъ.

Когда мы осмались одни, то сказалъ онъ мнѣ очень вѣжливо, чтобъ я не погибался, когда онъ теперь со мною нѣсколько спрожайшія мѣры употреблянь будетъ. Въ ту минуту подумалъ я о цѣпяхъ и почти безъ памяти хвятился рукою за ножницами, чтобъ ударить ими себѣ въ сердце. Но онъ тотчасъ выразился явственнѣе. У меня былъ маленькой кожею оклеенной ларчикъ, въ которомъ находились всякія потребности; ключъ отъ него онъ потребовалъ у меня и чтобъ я всѣ мои деньги и что еще у меня въ карманѣ есть положилъ въ него. Когда только, говорилъ онъ мнѣ, нужда въ деньгахъ будетъ, то онъ безъ отговорочно доспавашъ ихъ мнѣ станешъ; но чтобъ у меня ихъ не было.

Я ешалъ покойнѣе и повиновался; опростаніе кармановъ было мнѣ уже не ново. Я охотно отдалъ ключъ,

деньги, ножницы, карандашкѣ, ле-
скупки бумаги и все, что еще было
у меня въ карманѣ, даже и часы;
тѣмѣ кончилось и это дѣло, и я не
проронилъ приномѣ ни слова. Гну
Щ... ну угодно было самому еще
разъ ощупать мои карманы и попомѣ
заперѣ онѣ тщательнѣ ларчикѣ. Хол-
сипинной мѣшокѣ на груди моей одна-
кожѣ миновалъ его обыску. Теперь
только понялъ я намѣреніе моей бла-
годѣтельница и вѣспой благодарилъ ее.

Между тѣмѣ опять все уложили
въ мою коляску, и мы поѣхали далѣе.
Не смѣю описывать, каково у меня
на сердцѣ было въ первые дни дороги
нашей. Я не могъ ни ѣсть, ни пить,
ни спать, и вѣрнѣ я только бла-
годѣтельной тряскѣ коляски обязанъ
тѣмѣ, что не сошелъ съ ума: ибо
когда только мы перемѣняли лошадей,
или для чего другаго останавливались,
дѣлалось со мною каждой разъ оглу-
шающее круженіе головы. Я бывалъ
радъ, когда мы опять ѣхали, и на

самыхъ неровныхъ дорогахъ, на бревенчатыхъ мостовыхъ и каменныхъ плошинахъ чувствовалъ гораздо больше облегченія. Въ первые два дни я ни десяти словъ не проговорилъ. Нѣтъ! былъ обыкновенный мой опѣвшъ на всякое предложеніе пищи или липья и тому подобнаго. Прижавшись къ углу коляски, смотрѣлъ пристально впередъ, всѣ мѣста миновалъ я не взирая на нихъ; вѣтру, холоду и дождя не чувствовалъ. Силы мои при этомъ ослабѣвали; я безъ пособія курбера не могъ выходить или садиться въ коляску; и когда я нечаянно взглядывалъ въ зеркало, то нутался своего лица (*). — Щ... нѣ по

(*) Здѣсь долженъ я упомянуть о забытомъ обстоятельстве. Къ первому обѣду послѣ моей воимки прибыли мы въ мѣстечко, коего названіе шелеръ я запомнилъ, но только то знаю, что оно принадлежало какому-то старослѣ К... у, жившему тамъ въ древнемъ Замкѣ. Тамъ не было перемѣны лошадей; однакожъ мы остановились въ его Замкѣ. Онъ сѣлъ самъ, усиленно просилъ Щ... на къ обѣду, приказалъ людямъ своимъ хорошо угощать курбера, а мнѣ не

видимому спалъ шрусилъ о моемъ состоянїи. Сожалѣнія онъ не чувствовалъ, а спрахъ, что не выполнилъ совѣмъ похвальной своей коммисіи и иногда можетъ быть подпадеиъ еще опвѣту. Онъ всячески старался успокоить меня; наперерывъ съ курьеромъ описывалъ мнѣ Тобольскъ самымъ прекраснымъ городомъ въ свѣтѣ и шамошнюю жизнь превеселою, пріятною. Курьерова похвала соединя-

шолько ни слова не сказалъ и не предлагалъ ни пищи, ни пивья, но еще велѣлъ между пѣмъ, какъ провожаемые мои пировали, чтобы я подъ крѣпкимъ присмотромъ былъ, запретъ ворота Замка и окружить коляску безстыдною и безчувственною толпою, которая безотходно на меня зѣвала и въ глаза смѣялась. Такъ немилосердно былъ я выставленъ на показъ чрезъ цѣлой часъ. Потомъ Г. староста самъ проводилъ сыныхъ гостей своихъ до коляски. Палица жажда преодолѣла раздраженную мою чувствительность; я попросилъ пить. Тогда велѣлъ онъ подать мнѣ стаканъ пива, и мы поѣхали далѣе. Я бы совѣмъ не упомянулъ о семъ анекдотѣ, еслибы не свѣдалъ послѣ въ Ригѣ, что Г. Н. . . . ъ хвалился, что онъ угостилъ меня за своимъ столомъ и вообще очень человѣколюбиво принялъ.

ла болѣ всего въ доброствѣ и дешевизнѣ всѣхъ свѣтлыхъ припасовъ. „Какая рыба шамъ!“ вскричалъ онъ какъ восхищенный: „самыя опмѣныя сперляди по гривнѣ, за копорыя бы лакомцы въ Пепербургѣ заплащили по десяти рублей; а осеприна! какая осеприна-то! — Мясa, хлѣба, вина горячаго, всего очень довольно!“ —

Щ. . . нѣ присовокупилъ еще другія доказательствa, копорыя болѣе убѣдили меня. „Какъ скоро вы шуда прѣдете,“ говорилъ онъ, „шо вы будете свободны: можете ходишь и приходишь куда и когда вамъ угодно; можете забавляшьсѣ охотою, можете ѣздити по всей Губерніи, говоришь и обходишьсѣ, съ кѣмъ хоппише. Изъ Тобольска можете вы писать и къ Государю, къ супругѣ своей и ко всѣмъ; вы можете выписать къ себѣ людей своихъ и все, что вамъ нужно, и жишь, какъ вамъ угодно. Въ Тобольскѣ бывающъ шакже балы, маскарады и опмѣнной шванірѣ.“

Я по неволѣ усмѣхнулся и спросилъ только: ручаетсѣ ли онъ мнѣ въ томъ, что переписка тамъ совершенно безпретѣнсивенна? — Онъ клялся въ томъ честнѣю своею, и это увѣреніе подало мнѣ подлинно первый лучъ надежды.

Но, думалъ я про себя, подлинно ли я останусь въ Tobольскѣ? Иркутскъ еще 3000 верстѣ далѣе. Такъ какъ меня въ Tobольскъ послали, то могутъ опсправить и въ Иркутскъ. — Скажу все: безпрестанно думая такъ и сѣкъ о причинѣ моей ссылки, вспомнилъ я, что за десятильѣ до того сочинилъ я комедію Графа Бенъйовскаго. Когда она вышла въ печать, то покойная Императрица Екаперина прислала секретное повелѣніе къ Губернатору Ревельскому, чтобы онъ подъ рукою и не обнаруживая сего препорученія ему, развѣдалъ онъ меня, съ какимъ намѣреніемъ я писалъ эту комедію. — Онъ это выполнилъ. Я ошвѣчалъ натурально, что исторія Графа Бенъйовскаго показалась мнѣ хо-

рошмѣ содержаніемъ для комедіи и до меня уже для театра обрабошана была Г. Вульпіусомъ. — При томъ и осталось; и Великая Монархія, какъ предвидѣть было можно, о томъ не помышляла.

Не уже ли, шепнуло мнѣ подозрѣніе, Государю показалось соблазнительнымъ содержаніе этой комедіи, и онъ черезъ десять лѣтъ хочетъ за слишкомъ, станется, живое изображеніе спраданій ссылочнаго наказанія меня таковымъ же спраданіемъ? — Въ такомъ случаѣ я долженъ приготошиться ѣхать съ Камчатку, опдаленную онъ Иркутска еще на 6000 верспѣ.

Щ. . . . въ клялся мнѣ Святшими и особенно еще къ тому примолвилъ, что онъ *будетъ каналья*, естли меня далѣе Тобольска повезутъ. Я спросилъ его: какъ онъ можетъ это на вѣрное утверждать, когда у него конечно только естъ запечатанное повелѣніе къ Губернатору и слѣдовашельно онъ не знаетъ, что въ немъ пи-

сане. — Онъ признался, что повелѣніе запечатано, но намекнулъ мнѣ, что онъ самъ его писалъ. Припомъ, говорилъ онъ, совсѣмъ и необыкновенно, какъ бы дѣлашь роздыхъ на дорогахъ. Еслибы вы назначены были въ Иркутскъ, то я бы получилъ повелѣніе васъ проводить туда, какъ уже многихъ возилъ. Но какъ въ повелѣніи моемъ и дорожной сказано только до Тобольска, то вы можете быть покойны. Припомъ вы понимаете, прибавилъ онъ еще, что не прилично бы для Государя было повелѣніе Свое къ мученію арестанта какъ бы раздроблять и опъ мѣста до мѣста приготавливать ему новыя спраданія. Это бы дѣло было не чисто (онъ подлинно шамъ выразился). — Все это удостоверило меня и я началъ имѣть надежду, что подлинно только до Тобольска назначенъ. (Въ послѣдствіи увидитъ Читапель, сколько могъ я полагаться на эту надежду и на кляпзы Щ. . . . на.)

Но болѣе, нежели это упованіе, жизнь въ Тобольскѣ успокоило меня — рассказанное Щ. . . . мнѣ приключеніе. Онѣ съ годѣ тому назадъ повезѣ въ Сибирь женщину, и доѣхалъ уже съ нею до Казани, тогда другой курьеръ нагналъ его, и какъ по обстоятельнѣйшемъ изслѣдованіи она оказалась совершенно невинна, то привезѣ ему повелѣніе немедленно воротившись и проводивъ ее опять домой къ дѣтямъ ея. Это повѣствованіе сильно меня разстрогало. — И такъ я могу еще надѣяться, что дѣло мое и въ ошуществіи моемъ будетъ изслѣдовано? могу надѣяться, что и *моя* невинность опкроется?

„Конечно.“

А что сказала женщина? что она спала дѣлать? „Она ломала себѣ руки, залилась слезами и дала мнѣ золотые часы.“

Воображеніе мое остановилось на этомъ предскавленіи, и я не могу описать, какое утѣшеніе оно мнѣ принесло. Я безпрестанно видѣлъ передъ

тобою женщину, какъ она руки ломала, какъ плакала, какъ вынимала съ радостію золотые часы изъ кармана, какъ поюзка теперь поворошила, помчалась ближе, ближе къ дому ея, какъ она наконецъ издала завидѣла домъ свой, дѣшей у окна, дѣшей на крыльцѣ, какъ она изъ повозки выскочила, бросилась въ ихъ объятія! — Да III. . . въ нашелъ тогда, не зная самъ того, настоящій бальсамъ для облегченія боли разшерзанной души моей. Съ этой минушья ожидалъ ежечасно курьера. Когда только послышится за нами почтовой колокольчикъ, то сердце мое ужасно билось. Разсмотрѣвъ, думалъ я, бумаги мои; правосудный Государь найдеть меня вѣрно невиновнымъ; немедленно опсправится курьеръ, поскачетъ за мною, наспишетъ меня, и этотъ мигъ впрое вознаградитъ меня за всѣ спраданія. Конечно не думалъ я, или лучше удалялъ мысль, что я не за тѣ бумаги сосланъ, которыхъ никакой человекъ еще не видалъ, а что

должна быть тушь другая прежняя причина. Я живѣйшими красками расписывалъ себѣ картину скачущаго за мною курьера; разъ сто разсчитывалъ, сколько дней потребно было, чтобы бумаги мои доставлены были изъ Митавы въ Петербургъ, сколько дней тамъ нужно будетъ на разсмотрѣніе ихъ; и положилъ, какъ можно болѣе продлить дорогу, чтобы курьеръ успѣлъ нагнать меня.

Теперь былъ претій день, какъ мы оспавили Шпокмансгофъ. Теперь я въ первой разъ хотѣлъ опять ѣсть и пить. Гданской ликеръ мой выпили провожаемые мои и сѣли Италіанскую колбасу у меня; давно уже скушали связку съ хлѣбомъ, масломъ и шеляпиной, что все госпожа Бееръ конечно для меня велѣла положить въ шельгу. Мнѣ хотѣлось кофе или вина; но ни того, ни другаго не лзя было достать, и я долженъ былъ довольствоваться свѣжими яицами и водою. — Ночи были очень холодны, дни въпренные и сѣверки. Я

хотѣлъ укутать ноги въ полстную су-
кошную шинель, которую подарилъ мнѣ
молодой Левеншпернъ; но курьеръ
помпчасъ ее присвоилъ себѣ и надѣлъ
уже и сапоги. Я не хотѣлъ прѣбывать
ихъ отъ него назадъ. Такъ было во
всю дорогу. Провожашые мои пользова-
лись всѣмъ моимъ такъ, какъ будто
это было ихъ; и ели чпо разъ
попалось имъ въ руки, но уже они и
не отдавали опять. Такой прекрасной
поступокъ проспирался даже и въ день-
ги мои. Когда нужно было купить мнѣ
бездѣлицу, или заплатить за починку
чего нибудь у коляски, то давалъ я
двадцати пяти рублевую ассигнацію;
размѣнявъ ее, мнѣ рѣдко, или по край-
ней мѣрѣ никогда сполна остатокъ не
возвращали. Далѣе, когда у Щ. . . на-
стало не доспавать денегъ, онъ час-
то занималъ у меня; и когда я на-
последокъ сталъ дѣлать затрудненія,
чтобъ не совсѣмъ обезденежилъ, то
онъ такъ примѣтно перемѣнился въ
своемъ обращеніи, чпо я по многимъ
причинамъ принужденъ былъ удовлество-

рять его. За пищу и питье безъ того я долженъ былъ плащш. Словомъ, хошя я во всю дорогу ничего не ѣлъ, кромѣ молока и яицъ, а кой-когда только кусокъ шеляпины, но она стоила мнѣ болѣе четьрехъ сотъ рублей, не считая еще коляски. Сверхъ того по большей части всегда силою забирали молоко и яйца. Я плащилъ за все; провожающыя мои клали деньги въ свои карманы, или прощивали ихъ на водку, а бѣдные крещьяне не смѣли требовать себѣ заплащы.

При семъ случаѣ не могу умолчать о насмощемъ безкорыщномъ гощепрощемъ Рускихъ крещьянъ, которое всегда примѣщше спановщше, чѣмъ далѣе проѣзжаешь внутрь Государства. Они другъ передъ другомъ наперерывъ предлагаютъ свои избы для ночлега; ставящъ себѣ въ честь, когда у нихъ ещававливаются; подающъ все, что у нихъ ещш, и радость видна въ глазахъ ихъ, когда до-сыща ѣдящъ и пьющъ. Я помню еще, какъ одна крещьянка забощливо суещилась.

Часть I.

Д

и горевала: „Ахили! вопѣ невзначай прѣѣхали при гостечка, а у меня ничего дома нѣтъ, чѣмъ бы угостить ихъ! Уменьшительное названіе, употребленное ею во извѣщеніе своей радости о нашемъ посѣщеніи, заставило меня улыбнуться. — Крестьяне никогда не требуютъ ничего за свое угощеніе; за хлѣбъ, квасъ и прочее также они и тогда ничего не берутъ, когда имъ дадутъ что. За другое же, на примѣръ за куръ, сливки и проч., принимаятъ они бездѣльную плату; и какъ они, по видимому, привыкли къ тому, что солдаты, курьеры и подобные люди, вмѣсто платы, огорошиваятъ ихъ ругательствомъ, то въ предосторожность при первомъ спросѣ тотчасъ говорятъ, что ничего нѣтъ у нихъ. Я увѣренъ, что обыкновенной честной путешественникъ въ Рускихъ деревняхъ многое получить можетъ, когда крестьяне видятъ, что онъ справедливъ: ибо всегда, какъ я при отказѣ не ежедневныхъ припасовъ требовалъ самъ и общалъ хорошо заплачивъ, то всякой разъ мы все

изобильно получали. Но истинно возмущительнымъ образомъ вынуждаютъ солдапы и курьеры все у крестьянъ. „Гдѣ десятской?“ бываетъ первый ихъ вопросъ по приѣздѣ въ деревню. Онъ съ покорностію приходитъ. „Достанешь ли сейчасъ того!“ Если онъ спанитъ, оптоваривается; если скажетъ, что нѣтъ того, то засыплютъ его самыми крупными бранными словами и сулятъ еще прибить. Тогда пойдетъ онъ и принесетъ, что только можно сыскать, но конечно все самое дурное знаю уже напередъ, что заплашутъ нечего и ждать. — Безъ этого глубоко вкоренившаго злоупотребленія весело бы было въ дорогѣ быть у гостепріимныхъ, добродушныхъ крестьянъ, коихъ любовь легко приобрести можно, давъ только кусочекъ сахару ребятишкамъ ихъ. Я въ Рускихъ деревняхъ не одинъ фунтъ сахару раздавалъ ребятишкамъ, и чрезъ то задобривалъ всѣхъ манерей. Конечно давалъ охотнѣе и гораздо болѣе маленькимъ дѣвочкамъ одного возраста

съ моими Эмми и Бетши, и часто, очень часто завершывались у меня слезы на глазахъ. „Вѣрно и у тебя есть дѣши?“ говорили тогда крестьянки. — Шестеро! опивчалъ я вздыхая; самому меньшему еще и году нѣшъ! Тогда видалъ я примѣнное сожалѣніе во взорахъ ихъ, и когда садился опять въ коляску, то напущивуемъ бывалъ сердечными ихъ доброжеланіями.

Возвращаюсь отъ сего опспупленія. Когда остановились мы опять въ первой разѣ ночевать въ почтовомъ домѣ, то ложась въ постелю, увидѣвъ я, что ужасныя пригошвленія дѣлались къ охраненію меня. Разставили караульщиковъ, зашворили ставни и постель мою поставили возлѣ самой постели Ш. . . . на. Курьеръ легъ на полу такъ, чтобы мнѣ надобно было шагать черезъ него, дабы дойти до дверей. Таковую предосторожность наблюдали теперь всякой вечеръ.

Между тѣмъ у меня опспросла преспірашная борода. Я хотѣлъ бршишь

ся и требовалъ моихъ бритвъ. Мнѣ отказали въ томъ и вмѣсто того послали за цырюльникомъ. Напрасно говорилъ я, что нѣсколько лѣтъ уже привыкъ бриться самъ и для меня несносно крехтѣть подъ пальцами запачканнаго деревенскаго цырюльника; напрасно представлялъ я, что еслибы захотѣлъ лишить себя жизни, то мнѣ бы стоило только при первомъ перевозѣ черезъ рѣку (что очень часто случалось) броситься въ воду. Ничто не помогало; мнѣ самому не хотѣли позволить брать бритву въ руки. Припомъ Щ. . . . вѣ взялъ себя на замѣчаніе то, что я о водѣ сказалъ, и съ того времени при перевозахъ всегда близехонько ко мнѣ спановился, дабы въ нужномъ случаѣ удержавъ меня отъ отчаяннаго покушенія. — Бѣдной слабой человѣкъ! какъ бы могъ ты преградить мнѣ дорогу въ вѣчность! — Но, благодареніе Небу! до этого не дошло у меня. Еще сѣмя упованія лежало въ оцѣпенѣ-

шей груди; одинъ теплый солнечный лучъ могъ опять врасшиить его.

Полоцкъ былъ первый нѣсколько значущій городъ, въ которомъ мы прибывъ, перемѣнили только лошадей. Пока это продолжалось, то Ш. нѣ написалъ первое *секретное* свое *донесеніе* въ Петербургъ съ важнымъ извѣщеніемъ, что онъ своего арестанта благополучно спуда довезъ. Таковыя донесенія отправлялъ онъ изъ каждого города, и они - то особенно заставляли меня обходиться съ нимъ осторожно и не опаздывать ему въ его пребываніяхъ. Я очень увѣренъ былъ, что онъ не упомянетъ о покушеніи моемъ къ побѣгу: ибо тогда ему бы должно было опасаться, что онъ за собственную свою оплошность лишится пріятной должности: опоздавъ впередъ ссыльныхъ. Однакожъ онъ могъ въ донесеніи своемъ внести кой-что другое мнѣ предосудительное; и кто знаетъ, не сдѣлалъ ли онъ подлинно того, хотя я терпѣливо позволялъ ему щечиться около меня.

Я потчагъ примѣшилъ, что онъ не великой дѣлецъ былъ, видя сколько времени ему нужно было написать немного спрокъ въ донесеніи и съ какимъ заботливымъ раченіемъ онъ, при раза передѣлывалъ нѣсколько хосо вышедшій кувертъ.

На дорогѣ изъ Полоцка въ Смоленскъ жестоко схватила меня старая моя боль, судороги въ животѣ. Къ тому еще приспали другія, доселѣ со мною не бывалія боли, невольное прясеніе и дерганіе во всѣхъ членахъ. Жаръ по въ груди, по въ головѣ, причинявшій въ груди самое тоскливое чувство задушенія, а въ головѣ сопровождавшійся несказаннымъ давленіемъ, искрами въ глазахъ и шумомъ въ ушахъ; при томъ пульсъ бился по очень тихо, полно и жестко, по очень скоро, слабо и едва примѣнно и не равно. Позыву на ѣду и сна совсѣмъ у меня не было; но иногда бывалъ у меня какъ бы бредъ на яву; мнѣ на минушу видѣлись предметы, которыхъ на яву не было,

и я съ испугомъ въдрагивалъ, принимая свое заблужденіе. Всѣ мысли мои были сбивчивы и воображенія неясны: такое состояніе по крайней мѣрѣ прищипывало во мнѣ всякое чувствованіе. Мысль о женѣ и дѣтяхъ производила во мнѣ мѣсто прежней горести какое-то смущенное чувство, а мысль о смерти никакой прискорбности для меня уже не имѣла.

Кромѣ одной неважной соли и полученнаго въ Штокмарсгофъ кремортаршара у меня никакихъ лѣкарствъ не было. Всѣ рецепты, собранные мною чрезъ нѣсколько лѣтъ опіе славнѣйшихъ Врачей въ Германіи, Ци-мермана, Зелле, Маркарда, Галла, Гуф-ланда и прочихъ, записаны были съ другими бумагами моими, хотя я усильнѣе просилъ оставить ихъ у меня (можетъ быть почли ихъ за тайную переписку въ шифрахъ). И такъ въ дорогѣ мнѣ никакой помощи не было; и какъ я при плѣвшей еще во мнѣ искрѣ упованія почиталъ себя обязаннымъ имѣть попеченіе о ма-

емъ сохраненіи , то почувствовалъ въ-
которое удовольствіе , когда мы при-
были въ Смоленскъ , гдѣ надѣялся полу-
чить покой , удобства и Врача.

Тогда былъ уже поздней вечеръ.
Щ. . . . нѣ , тщательно миновавшій
всѣ герберги , велѣлъ и здѣсь потчасъ
ѣхать къ почтовому дому : но къ ща-
стію не могли насъ тамъ помѣстить;
и какъ я очень сухо ему сказалъ , что
не хочу и не могу ѣхать далѣе , то
принужденъ онъ былъ поискать гер-
берга. Мы остановились у большого
дома ; хозяинъ встрѣшилъ насъ съ
двумя свѣчами , повелъ насъ по широ-
кой лѣстницѣ вверхъ въ просторную
переднюю и , казалось , что мы здѣсь
наконецъ очень покойно отдохнемъ. Но
когда хозяинъ отперъ назначенную
намъ комнату — Боже мой ! какой
пустой видъ ! большая , высокая ком-
ната , гдѣ отзывается каждой шагъ.
Окна всѣ перебиты и всѣ мебели со-
стояли только въ одномъ шаткомъ
сполѣ и голой кровати. Не было ни
стула , ни скамьи , а еще менте зер-

кала или чего нибудь на пышность похожаго; по спѣнамъ висѣли лохмощья бывшихъ обой.

Я озирался съ холодноспіію, но не почиталъ спяющимъ того, чѣмъ сповашъ, а попросилъ только немного сѣна на пустую кровать; и когда привесли его, то я безмолвно бросился на нее. Рѣзкой и холодной ночной вѣтеръ дулъ сквозь разбитыя окна прямо на меня. У меня кромѣ подареннаго шулуца и плаща моего не чѣмъ было болѣе покрыться; холодъ и гадивы ни на одинъ мигъ во всю ночь не дали мнѣ покоя. Когда настало утро, то сдѣлалась мнѣ сильная лихорадка, ужасно меня бившая, а потомъ жаръ опять давилъ мнѣ глаза изъ головы. Съ неперпѣніемъ ждалъ я, какъ проснется Щ. . . . нѣ, дабы попросить Врача. Онъ на ошрѣзъ отказалъ мнѣ въ этомъ, думая, что я безъ другихъ пособій могу оправиться, еслили хочу остаться здѣсь на день въ покой. Курверъ примолвилъ ко тому, чѣмъ я хорошенько жалъ и

тилъ, что я уже буду здоровъ. Ёда и пишье были у него общимъ лѣкарствомъ для всѣхъ болѣзней шѣла и души.

Я такъ вознегодовалъ на такой жестокой поступокъ, что наказалъ его только презрительнымъ молчаніемъ. Я ошклонилъ предложеніе пробыть цѣлой день въ этой пустой тюрьмѣ, объявля, что я лучше хочу умереть подъ открытымъ небомъ на провзжей дорогѣ. И такъ меня почти снастили съ лѣстницы, посадили въ коляску и мы поѣхали. Какъ и дорогою не одинъ разъ желалъ выпить для подкрѣпленія себя рюмку Рейнвейна, то Ш. . . . нѣ въ Смоленскѣ купилъ бутылку на мои деньги; она стоила два рубля, а ни капли не лѣзя было выпить. На послѣдокъ должно было его вылить; ибо провожаемые мои вина не пили, а только водку.

Между Смоленскомъ и Москвою состояніе мое такъ спало хуже, что я по большой части лежалъ въ совершенномъ забытіи, не трогаясь и не

занимался ни чѣмъ, что около меня ни происходило. Естълибъ мнѣ описывать ясно тогдашнее мое чувствованіе, то я бы могъ его сравнить только съ чувствованіями чловѣка, которой, пробудясь въ крайней темнотѣ, не можетъ опомниться, гдѣ онъ, хочетъ ошущю узнать то мѣсто, но вдругъ чувствуетъ, что онъ по рукамъ и ногамъ связанъ. Кой-когда только мелькалъ мнѣ на мигъ въ этомъ мракѣ образъ милой жены моей. Онъ не молніею сверкалъ, а свѣшилъ какъ помный лучъ, привлекавшій только на себя взглядъ мой, не освѣщая предмѣстовъ около меня.

Напоследокъ Ш. . . . нѣ по видимому самъ усмотрѣлъ, что состояніе мое опасно; онъ сталъ обо мнѣ заботиться и самъ собою обѣщалъ мнѣ сыскать Врача, коль скоро прїѣдемъ въ Москву. Теперь почти всякая помощь мнѣ равнодушна стала, и естълибъ воспаленное воображеніе мое не представляло мнѣ иногда жену и

дѣшей моихъ умоляющихъ меня: по я бы бросился въ обѣщанія смерти, какъ давножданнаго друга.

Мая 7 до полудни прибыли мы въ Москву. Ш. . . . нѣ опять берегся герберговъ и самыми не видными, дурно обспроенными улицами привезъ меня къ домишку, въ которомъ жилъ пріятель и сослуживецъ его какой-то Маіоръ Максимовъ. У этого человека была всего только одна маленькая горница съ каморкою, гдѣ онъ помѣщался еще съ Прапорщикомъ. А какъ теперь прибыло еще шрое, то можно себя представитъ, каковое удобство я на этой кварширѣ имѣлъ. Однакожъ Маіоръ, хотя также грубой, но гораздо добродушнѣе Ш. . . . на, всячески, сколько могъ, старался облегчить мое положеніе. Онъ уступилъ мнѣ собственную свою постель, велѣлъ сварить мнѣ куриную похлебку и подчивалъ меня давно не пивымъ кофе. Я бросился на жесткую его солдатскую постель и подлинно на минушу получилъ облегченіе.

Когда я сомкнулъ глаза и думалъ, что я сплю, сообщилъ Ш. . . . нѣ старому сослуживцу своему, что съ нимъ доселѣ было, и я къ удовольствію моему слышалъ, что хотя Маіоръ поздравлялъ его повышеніемъ чина, но напрямки сказалъ ему: „Что не желалъ бы на его мѣстѣ быть; что должностъ, какую онъ исправляетъ, не самая лучшая.“ Ш. . . . нѣ пропустилъ это мимо ушей, и отвѣчалъ только, какъ я прищурясь примѣнилъ, улыбкою, а шамъ вспалъ и пошелъ въ жаркую баню, дабы попомъ выгнать изъ себя все чувствованія, каковыя бы еще могли у него быть.

Тщешно ожидалъ я съ часу на часъ обѣщаннаго Врача. Онъ не бывалъ и не могъ быть; ибо когда я напоследокъ напомнилъ Ш. . . . ну моему обѣщаніе его, то онъ пожимая плечами, отвѣчалъ: „что не смѣешь исполнишь мою просьбу; это противъ его инструкціи.“ И такъ вы хотите, чтобъ я умеръ безъ всякой помощи? Онъ думалъ, что я не умру, а

ѣлъ бы и пилъ болѣе. — Я замолчалъ, ошчаявшись получить какую нибудь помощь ослабшему моему плу.

Пусть будетъ, какъ Богу угодно, думалъ я, если только можно мнѣ написать по крайней мѣрѣ послѣднія мои желанія, послѣднія распоряженія и прощаніе съ женою и дѣтьми! — Теперь возбуждалось въ груди моей одно только желаніе, ясно и точно воображавшееся мнѣ, желаніе сдѣлать мое завѣщаніе. Но какъ я легко могъ предвидѣть, что Щ. . . . нѣ еще менѣе согласится доставить мнѣ Нотаріуса, нежели Врача, то сказалъ ему, что хочу причаститься Святыхъ Таинъ, и просилъ послать за Пасторомъ; *но и то онъ улорно мнѣ отказалъ.*

Напрасно представлялъ я ему, что если онъ не заботился о спасеніи души моей, то подумалъ бы по крайней мѣрѣ, что у меня есть заупычанная денежная дѣла; что я ихъ непременно долженъ передъ смертію привести въ порядокъ, чтобы невинное мое семейство не поперцло отъ

того; что Государю конечно не угодно наказывать жену и дѣтей моихъ; что право завѣщанія есть право священное, рѣдко и самымъ обличеннымъ преслупникамъ опъказываемое. — Но все напрасно! ничто не могло убѣдить его.

Хорошо же, сказалъ я, по крайней мѣрѣ позволено ли мнѣ будетъ написать къ женѣ моей нѣсколько спрокъ, которыя вы сами прочесть можете; вы ей это обѣщали и мнѣ дорогою не одинъ разъ повторяли то же. Онъ подумавъ съ минутою, согласился на эту просьбу. Я написалъ спрокъ пять; въ нихъ ничего не было о горестномъ моемъ состояніи, а только ласковое увѣщаніе къ пвердости и сохраненію себя для дѣтей нашихъ, безъ отца оставшихся. Я перевелъ письмоцо Ш. . . . ну, запечаталъ его и опдалъ ему. Онъ при мнѣ просилъ Маіора послать оное на почту, и я былъ спокоенъ. Но черезъ нѣсколько часовъ получилъ курьеръ, улучивъ удобную минуту, шепнулъ мнѣ, что *письмецо*

созжено уже въ кухнѣ. — Я содрогнулся. Я не думалъ, чтобъ Щ. . . нѣ былъ такъ жестокъ. Доселѣ я презиралъ его; теперь спалъ ненавидѣшь. — Однакожъ я при всей его спрогой бдишельности нашелъ же случай опсправить изъ Москвы письмо къ женѣ моей. Я не смѣю сказать, какъ мнѣ это удалось, опасаясь навлечь хлопотъ добросердечному чловѣку. Да воздастъ ему Богъ за его сосспраданіе! Я надѣюсь, что милая моя Христинушка исправно получила не многія, скоро и съ робоспію, за присмотромъ шести глазъ писанныя спроки (*).

Мая 8 къ вечеру оспавили мы Москву въ прекрасную, теплую весеннюю погоду. Мы долго ѣхали среди

(*) Меня обманули. Она ихъ не получила. Александръ Шувальнѣ, въ которомъ я, при всей его грубоспи, предполагалъ болѣе чувствительности, нежели въ командирѣ его, бравшій отъ меня немалыя деньги и клевещіея Иконами, досспавилъ письмо, при всемъ томъ обманулъ меня.

города возлѣ березовой аллеи, много похожей на липовую улицу въ Берлинѣ, гдѣ также, какъ и тамъ, въ ясные дни люди большого свѣта собираются для прогулки: пестрая свалка блестящихъ экипажей, разряженныхъ дамъ и быстросногихъ щеголей. Ни одна и ни одинъ не бросилъ и взгляда на бѣднаго авшора, которой можетъ быть въ томъ же вечерѣ въ театръ приносилъ имъ удовольствіе какою нибудь пірсою своею. Какъ счастливые и вѣщастные шолкуются вмѣстѣ въ свѣтѣ, проходящѣ другъ мимо друга, не зная себя или не подозревая взаимныхъ своихъ чувствованій! Какъ рѣдко одинъ стараеиія угадать другаго, и каждой только о себѣ самомъ помышляя, шащипся своимъ пушемъ ко гробу по цѣвѣшамъ или перніамъ! — Прѣздъ Москвою внушилъ мнѣ не пріятное, но другое чувствованіе, нежели каковое доселѣ безпрестанно перзало меня, и эта перемѣна была уже благошворна.

Не знаю, наславшая ли теплая погода, или совершенное мое преданіе,

совершенная безнадежность были причиною того (ибо спокойствіе получается и тогда, когда нечего надѣяться): словомъ, я оправился по выѣздѣ изъ Москвы и съ каждымъ днемъ приходилъ болѣе въ силы. Мало по малу я даже началъ самъ собою ободряться и утѣшать себя примѣрами изъ древней и новой Исторіи, особливо находилъ я ихъ множеству въ новѣйшей. Я вспомнилъ о Нанперѣ Тандіѣ; но онъ подлинно игралъ важную роль въ смятеніяхъ своего опечеснѣва: а что я сдѣлалъ? — Я вспомнилъ о сосланныхъ въ Каенну; — они должны были гораздо болѣе, гораздо ужаснѣе спрдаанъ, нежели я; — но они подлинно участвовали въ управленіи разстроеннаго Государства; хотя они спрадали несправедливо, но за мнѣнія, дѣйствительно обнаруженныя. — Такъ ко всѣмъ эшимъ утѣшеніямъ присоединялось сомнительное *но*; и хотя я признавался самъ себѣ, что спрдаанія мои не жестоки были, но напротивъ удостовѣ-

рядя, что и невинность моя была очевидна.

Нынѣ ужаснѣ мученія, какѣ состояніе человека, чрезѣ цѣлыя недѣли обращающагося въ себя и все одною мыслию о несчастіи терзающагося, которой тщетно стараешься отбиться отъ нее, но все крѣпче оплещается ею, какѣ Лаоконѣ своими змѣями. — Такѣ сидѣлъ я въ углу моемѣ — не было человека, которымѣ бы могѣ мнѣ совѣтовать, которымѣ бы утѣшилѣ меня — не было даже и такого, которому бы я могѣ сообщить мои сѣшванія. — Курверѣ прогонялѣ свою скуку или пѣніемѣ, или сномѣ. Звонкія его пѣсни, къ которымѣ часто подпѣгивалѣ еще ямщикѣ, крайне были мнѣ прошивны; но гораздо болѣе плохія шуточки, которыми Ш. . . . ну угодно было показывать свое остроуміе; онѣ же очень часто были повторымы и всегда одинаково. Когда на примѣрѣ курверѣ спалѣ, то онѣ темлячкомѣ просилѣ своей до пѣхѣ порѣ шевелилѣ у него по носу, пока онѣ

проснется ; или когда проснется , то щекошалъ набалдашникомъ между плечъ его ; или когда приходилась высокая , крушая гора , то кричалъ онъ : молоденькая гора ! а когда былъ то неважный пригорокъ : вотъ спаруха ! и множество шакого вздору , которой особенно по частому повтorenію былъ мнѣ несносенъ. — Кто такъ , какъ я , всегда имѣлъ самое лучшее образованное обращеніе , тошъ могъ чувствовати , что неприятность моего положенія не мало шакою компаніею увеличивалось.

Единственная добродѣтель , которой я иногда имѣлъ случай удивляться въ немъ , была какая-то безразсудная отважность , съ какою онъ шелъ на всякую опасность и тогда , когда могъ избѣжать ее. На примѣръ : онъ крайне не охотно допускалъ шормозиты колеса , хотя и съ самой крушой горы съѣзжать было должно. Я прежде очень оспороженъ бывалъ въ шакихъ мѣстахъ , и выходилъ самъ , а часно

заспавляя и жену мою выходитьъ при-
павъ воли ея. Но теперь, не чувствуя
столько цѣны моей жизни, не смо-
рѣя на то, и оставался въ коляскѣ.
Онъ того случилось однажды, что на
высокой, прекрутой горѣ, при подош-
вѣ которой текла вода, лошади по-
мчали насъ. Черезъ рѣку правда былъ
мостъ; но по бѣгу лошадей видно пош-
часъ было, что мы не на мостъ, а
въ самую рѣку попадемъ. Въ этой оче-
видной опасности и бывъ только на
два шага отъ берегу, выскочилъ
Щ. . . . изъ коляски, не открывъ
дверцовъ. На скоку попалъ онъ одною
ногою на скатъ берега, а другая толь-
ко осталась на плоскости; однакожъ
онъ обѣими руками устоялся противъ
коляски, дабы она не могла опроки-
нуться, между тѣмъ какъ ямщикъ изъ
всѣхъ силъ поворотилъ лошадей на
мостъ. Оно удалось; а еслибы толь-
ко еще на волосъ ближе къ берегу,
то бы мы вѣроятно утонули въ раз-
лившейся рѣкѣ. Впрочемъ Щ. . . . изъ
повинуя себѣ правую руку.

Такоюжъ безразсудную отважность оказывалъ онъ часто при переправахъ черезъ рѣки, которыя особливо весною въ Россіи очень опасны бывающъ; описавши отъ того, что отъ многихъ ситговъ и самые малые ручьи становящяся широкими, быстрыми потоками; описавши, что распоряженія для переправъ часто крайне плохи. Обыкновенно употребляютъ къ тому двѣ лодки, которыя на концахъ связываются ивовыми вѣтвями, а поперегъ кладутся доски. На эти доски становящяся повозка. Двое гребцовъ садящяся съ одной стороны въ лодку, а третий съ другой правящъ плохимъ кормиломъ; и такъ они, уповаю на волю Божию, пускаются въ самыя ярыя волны. Во время переправы въ печныя лодки обыкновенно наливается вода и онъ отъ того все болѣе тонуть, чѣмъ ближе приходятъ къ противоположному берегу. Часто бываетъ для переправы только паромъ (или плотъ) изъ бревенъ, связанныхъ древесными вѣтвями, и переклада, приколоченнаго сверху

кольями, на которомъ спойшь погда въ водѣ по самую тлезну. Такой паромъ пнянушъ напередѣ канатомъ прошивъ воды, а тамъ въ нѣкоторомъ опдаленіи пускающъ на волю спремвины и такъ на-косъ правяшъ къ другому берегу.

Эпо было подѣ маленькимъ городомъ (естѣли не ошибаюсь подѣ Василемъ), гдѣ мы переправлялись черезъ Суру, впадающую тамъ въ Волгу. Вся окружная спрана на нѣсколько верспъ была наводнена; кой- гдѣ шорчали изъ воды вершины деревъ. Лѣпомъ переправа не важна и коропка (*), но шенерь была на цѣлой часѣ фзды. Мы прибыли шуда въ самую жеспокую бурю; парома погда не было на эпой споронъ и намъ должно было ждашъ нѣсколько часовъ, пока насъ съ той споронъ увидѣли. Наконецъ увидѣли мы паромъ въ движеніи, и по медленности, съ каковою пилѣ онъ

(*) На обратномъ пуши моемъ эпо точно оказалось.

къ намѣ безѣ грузу, могли мы сѣ-
дѣть, сколько времени поспѣшно бу-
детъ ему съ грузомъ доставить насъ
на мѣсто. Однакожѣ на эпомѣ разѣ
противѣ обыкновенія было на немъ
пять человѣкъ, которые однакожѣ всѣ
объявили по прибытіи своемъ, что
едва ли можно пускаться въ такую бу-
рю, и совѣтовали намъ переночевать
тамъ, гдѣ мы были.

Но Ш. . . . нѣ наспоялъ на томъ,
чтобъ насъ поспѣшно перевезли, и я,
имѣвшій до того почти непреодолимой
страхъ отъ воды, на эпомѣ разѣ съ
упорнымъ подтверждалъ его требо-
ваніе; я какъ будто вызывалъ судьбу,
говоря: попытайся сдѣлать еще меня
несчастнѣе, какъ я теперь! — Перевоз-
чики должны были согласиться, какъ
мы ссылались на свою курьерскую по-
дорожную. Они перекрестясь и про-
бормотавъ нѣсколько разѣ Господи по-
милуй! отъ берега. Сна-
чала шло еще изрядно; ибо мы плыли
подъ защитною косою, гдѣ буря не
могла насъ привалить со всею силою.

Часть I.

Н

Но когда мы выплыли выше и свободнѣе около себя видѣнь могли, тогда напала она на насъ съ яростію и припомѣ еще находила упоръ въ коляскѣ моей. Какъ ни правили, какъ ни гребли и не прилагали силъ, мы неудержимо сбивались съ пущи своего къ довольно еще опдаленному, по видимому низкому кустарнику. Кормчій изо всѣхъ силъ кричалъ своимъ людямъ; они изо всѣхъ силъ гребли, — напрасно! мы все болѣе приближались къ кустарнику. Сначала не могъ я понять, для чего кормчій этого такъ боится; ибо, думалъ я, въ крайнемъ случаѣ намъ не лзя упонуть, но только развѣ разбиься, а по близости города кто нибудь поспѣшитъ же къ намъ на помощь. Но я скоро примѣнилъ ошибку свою, когда буря насъ подлинно гнала въ средину мнимаго кустарника; это были только вершины высокихъ деревьевъ и самой длинный шеснь не доставалъ шамъ до дна.

Теперь мы сѣли; пни древесные подъ водою оспановили паромъ пре-

тивъ бури. Такое положеніе не только что очень непріятно; но какъ я скоро усмотрѣлъ, и крайне опасно было: ибо вопервыхъ въсплыви, которыми лодки между собою связаны были, ошвъ бури сильно терлись о прошивущія пни древесные и никакъ не могли долго усоятъ. Когда же бы лодки раздѣлились, то намъ не оставалось ничего болѣе, какъ броситься въ нихъ налѣво и направо, и тогда коляска бы упала со всѣмъ моимъ имуществомъ въ воду. Однакожъ мы тогда бы вѣроятно спасли собственную свою жизнь; но ошвъ того произошла еще другая большая опасность. Одна изъ нашихъ лодокъ ослѣла конечно на самой верхушкѣ дерева и поднялась ошвъ того шакъ косо, что другая чрезъ то подалась въ воду и волны сильно въ нее били. Ошвъ того послѣдняя все болѣе наполнялась водою и шонула глубже, между тѣмъ какъ первая поднималась все выше. Четыре лошади, стоявшіе также на паромѣ, едва могли уже держаться, чтобы не скапиться, и ошвъ того не смирно стоя-

ли; мы сами принуждены были держаться за коляску. Конечно, есѣлибѣ такое положеніе продолжалось только немногія минушы, то мы бы неминуемо погибли.

Теперь наконецъ увидѣлъ Ш...нѣ, что его отважность можетъ кончиться бѣдою. Онѣ былѣ мертво блѣденѣ, схватилѣ, какѣ и курьерѣ, длинной шестѣ съ желѣзными крючьями и изо всей мочи упирался имѣ противѣ ближняго дерева. Тогда же опрожа весла и кормило, всѣ взяли шесты, чтобѣ, есѣли только можно удержаться, не перевернуться или лучше не упонуть. Я закутавшись въ плащѣ свой, споялѣ прислонясь къ колесу коляски, и никогда бы не подумалѣ, чтобѣ я съ такою твердостью встрѣчалѣ смерть.

Наконецъ совокупнымѣ стараніямѣ удалось шестами удержатѣ паромѣ онѣ вершинѣ деревѣ; да мы еще такимѣ образомѣ нѣсколько вверхѣ подались. Но никакѣ не возможно было намѣ добраться до цѣли сво-

ей. Естлибъ напоследокъ — что скоро должно было послѣдовать — работающіе обезсилѣли, то мы бы вмигъ опянь очутились въ прежней опасности, и Небу извѣстно, избавились ли бы мы отъ нее опянь, когдабъ, къ нашему щасію, изъ городу не усмотрѣли нашей бѣды. Легкая лодка съ чепверыми человѣками приплыли къ намъ на помощь. Они привязали челнокъ свой къ парому и вскочили сами къ намъ; съ такимъ подкрѣпленіемъ нашихъ силъ мы напоследокъ черезъ трудные часа прибыли къ пристани.

Естлибъ я расположенъ былъ къ шушкѣ, то могъ бы сказать, что я, какъ Принцъ Таминъ въ Волшебной Флейтѣ прошелъ чрезъ огонь и воду, дабы посвящену быть въ таинства Сибирскія; ибо въ другой разъ мы ночью приближи въ горящій лѣсъ, и еще (что рѣдко случается) въ такой лѣсъ, копорой сильно горѣлъ по обѣимъ сторонамъ узкой дороги. (Обыкновенно проѣзжая дорога пресѣкаетъ

такой пожаръ; но здѣсь она конечно не довольно широка была.)

Сначала, какъ мы еще довольно далеко были отъ горящаго мѣсна, веселило меня такое зрѣлище, которое подлинно, особливо въ темнощѣ, доставляло величественный видъ. Но когда мы подѣхали ближе и я увидѣлъ, что дорога наша прямо шла, то меня особливо новостъ опасности испугала. Поломемъ горящія ели наклонились шамъ и сямъ поперегъ дороги на противустоящія дерева, и такъ намъ должно было проѣзжать какъ бы въ горящія пріумфальныя ворота. Часно бывало — чего я все еще не понимаю — что фуговъ на шесть отъ корня счиная, весь нушръ дерева горѣлъ, а только наружная непронушая кора какъ будто держала его. Оно всякую минушу могло обвалишься, и для чего не въ ту самую минушу, когда мы мимо его ѣхали? — Наконецъ натхали мы даже на большую сосну, лежавшую поперегъ дороги и всѣми вверхъ и орчавшимися, ярко горѣвшими вѣтвями

совсѣмъ завалившую проѣздъ. Чѣмъ было дѣлать? оспаваясь здѣсь казалось сплошь же опаснымъ, какъ и далѣе ѣхать, а можетъ быть и опаснѣе; и такъ мы изо всей мочи понуждали фыркающихъ лошадей и онъ благополучно съ нами перескочили черезъ самую тонкую часню горящаго дерева. Конечно было горящее происшествіе, которое мы такимъ образомъ проѣзжали, болѣе тысячи шаговъ. Я въ продолженіе дороги развѣсно видалъ, какъ лѣса горѣли, но никогда уже такъ близко. Нигдѣ не дѣлающъ никакихъ распоряженій во обращеніе того; и я думаю, что при безпредѣльныхъ лѣсахъ еще тому ради, что огонь спудится разрѣживанъ ихъ.

Теперь проѣхали мы Володиміръ и Нижній Новгородъ. — Хотѣлъ и не было у насъ столько многихъ описанныхъ путешествій по Россіи, то и тогдабъ напрасно ожидали онъ меня описанія городовъ, какъ я натурально

совсѣмъ не былъ расположенъ дѣлать замѣчанія.

Одного ушра, переночевавъ въ деревнѣ, и когда хотѣли опять запрягать лошадей нашихъ, ужасно поразилъ меня весьма знакомый звукъ почтового колокольчика, звенѣвшаго съ Московской дороги. Крестьянинъ черезъ заборъ вдаль смотрѣвшій, вскричалъ: *курьеръ!* — Я стоялъ какъ вкопанный и ужасно дрожалъ. Теперь колокольчикъ звенѣлъ все ближе — теперь кибитка повернула за уголъ и эпо подлинно былъ курьеръ; — но и онъ везъ несчастнаго въ Сибирь! — Довольно пожилой человекъ, въ шлафрокъ и колпакъ, вышелъ скованный изъ кибитки. Эпо былъ, какъ я послѣ узналъ, Подполковникъ изъ Рязани, достапточной человекъ, также мужъ и отецъ, котораго за ссору съ Губернаторомъ въ самую ночь схватили съ постели, сковали и въ шлафрокъ посадили на шельгу, не позволивъ ему даже взятьъ съ собою ни плащя, ни бѣлья. Ноги у старика

отъ непривычныхъ оковъ распухли; онъ не могъ идти, и вообще по видимому былъ очень боленъ. Его проводилъ, кромѣ унтеръ-офицера, Полицейской Чиновникъ изъ Рязани, родомъ Грекъ, говорившій хорошо по Италіански и, по видимому, сострадашительный и очень веселый человекъ. Онъ дѣлалъ все возможное для облегченія участи своего арестанта; онъ даже далъ снять съ него оковы, которыя бы, думаю я, Щ. . . . нъ охотно мнѣ наложилъ. Вообще былъ онъ человекъ образованный. По его веселости, по видимому, понравился онъ и Щ. . . ну, и онъ даже позволилъ ему говорить со мною, что мнѣ болѣе замѣчательно, что мы должны были говорить по Италіански, слѣдовательно языкомъ, котораго мучитель мой не разумѣлъ. Хотя я очень не твердо былъ въ этомъ языкѣ, но для меня было это несказанное благодѣяніе, что могъ наконецъ говорить кой-что съ умнымъ человекомъ, живъ доселѣ болѣе трехъ недѣль совсѣмъ опчужденъ отъ людей.

Часть I.

О

Теперь мы продолжали путь свой большею частью вмѣстѣ и хотя иногда разлучались, но часто опять сѣзжались. Подполковникъ казался самымъ крошкимъ, основательнымъ человекомъ, мужественно сносившимъ положеніе свое. Провожатымъ своимъ былъ онъ гораздо щастливѣе меня; но я долженъ признаться, что во всемъ прочемъ мое состояніе было гораздо сноснѣе, нежели его: ибо онъ во всемъ имѣлъ недоспапокъ и только что успѣлъ еще взять съ собою нѣсколько денегъ, на копорыя онъ однакожъ конечно не могъ дорогою ни платья купить, ни другой какой удобности имѣть. Что передъ моими глазами находившееся горестное утѣшеніе нѣкоторымъ образомъ подѣйствовало на меня; я бралъ съ него примѣръ тихой преданности и старался послѣдовать ему. — Имѣвъ у себя чай и сахаръ, я иногда укрѣплялъ его имъ. Тогда онъ шакъ признашело улыбался мнѣ и шакъ ему хотѣлось бы говорить со мною,

но этого утѣшенія мы оба лишены были.

Верстахъ въ 80 или 90 отъ Казани случилось намъ видѣть рѣдкость въ природѣ, о которой не могу умолчать. Это былъ человѣкъ сна шридаши лѣтъ. Сыну его было болѣе осмидесяти; но онъ походилъ еще на человека едва пятидесяти. Внукамъ и правнучкамъ было у него премножество. Спарикъ лежалъ на лавкѣ и спалъ на жесткомъ тюфякѣ съ одной подушкой. Онъ мало уже видѣлъ; но прочія чувства еще все у него были. Иногда хаживалъ онъ еще самъ въ лѣсъ и добывалъ себѣ лыка на лапти. Особливо чудны показались мнѣ его руки, бывшія не такъ, какъ обыкновенно, сухи и морщиноваты, но полны и круглы. — Услышавъ, что гости пріѣхали, поспребовавъ онъ свой кафтанъ, чпобъ вспанъ, и предлагалъ мнѣ, ближе къ нему споявшему, постель свою. Не могу описать, какъ меня это пронудо. Человѣкъ, родившійся въ 1670.

хотѣлъ маѣ — почти сто лѣтъ его молодшему человѣку — уступилъ свою постель и спать ночь на голой землѣ! Я не могъ наглядѣться на него, и не охотно съ нимъ разспался. Очень бы желалъ я узнать многое о прежнемъ его образѣ жизни, копорымъ онъ дожилъ до такихъ лѣтъ; но люди шакъ хлопотали, и я шакъ мало умѣлъ по Руски, что не могъ болѣе выведать, кромѣ того, что онъ рѣдко пилъ водку и поздно женился.

На послѣдней станціи подъ Казанью наѣхали мы Генерала Маршен-са, Нѣмца, котораго я прежде знавалъ. Онъ ѣхалъ въ Пермь, куда былъ опредѣленъ Вице-Губернаторомъ. Мы съѣхались у Волги; а какъ и шущь вся страна далеко и широко была наводнена, то мы вмѣстѣ переправлялись чрезъ нѣсколько часовъ. Онъ былъ первой человѣкъ, съ копорымъ я могъ опять говорить по Нѣмецки, напомнившій мнѣ старое хорошее время и сострадательно выслушавшій сѣтованія мои. Щ. . . нѣ прежде былъ у

него въ командѣ, все еще извѣялѣ ему великое подобоспращіе и не осмѣлился мѣшашъ намѣ говорить. — Онѣ него свѣдалѣ я многое, что теперь происходило въ большомѣ свѣстѣ, но мало утѣшительнаго. Онѣ также очень недоволенѣ былѣ своимѣ жребіемѣ. Его, какѣ спарато Генералѣ-Маіора, вдругѣ безѣ вѣдома и желанія перевели въ гражданскую службу и опредѣлили въ Пермь, 2000 верстѣ онѣ Петербурга. Мѣсто Вице-Губернатора тамошняго не было для него повышеніемѣ. Сверхѣ того онѣ долженѣ былѣ оспавитѣ въ Петербургѣ жену и дѣтей, о копорыхѣ съ нѣжностію говорилѣ и нѣмѣ нѣмѣ-часѣ привлекѣ мое сердце. Я скоро кончу его исторію. Неблагорасположеніе щасія, загнавшее его въ Пермь, вдругѣ обратилось въ благопріятствованіе; или лучше, щасіе сыграло съ нимѣ конечно нѣсколько жестокую шулку: ибо въ Перми заспалѣ онѣ опредѣленіе свое Губернаторомѣ въ Тверь, куда легко могла фамилія его къ нему пріѣхашъ. Конечно нѣсколько спранно было,

какъ онъ дошелъ до того ; однакожъ
щасливъ онъ ! Онъ шелъ къ щастію
чрезъ горести ; и я бы благодарилъ Бо-
га , еслибъ Государь велѣлъ меня
черезъ Сибирь везши въ Петербургъ !
какъ бы охотно испребилъ я застѣ-
нокъ памяти моей , гдѣ хранился исто-
рія моего путешествія .

Въ Казани , куда довольно поздно
вечеру прибыли , мы по обыкновенію
миновали постоялые дворы , и я мало
или совсѣмъ не видалъ этого достопа-
мятнаго города . У Щ. . . . на былъ
и здѣсь старинный пріятель , у копо-
рыхъ онъ обыкновенно останавли-
вался . На этотъ разъ случилось это
въ лежащей версмахъ въ трехъ онъ
города , такъ называемой Ташарской
слободѣ , у какого - то Поручика
Есифея Тимофеича (прозванія его не
упомяну) , человека по крайней мѣрѣ
пятидесяти и самого добросердечна-
го по его лѣтамъ . Онъ былъ женатъ ,
но не имѣлъ дѣтей . Онъ ставилъ се-
бѣ въ честь дружбу Щ. . . . на и по-
минушно поручалъ себя его мило-

спѣи. Онѣ былѣ небогатѣ; но какѣ онѣ, такѣ и жена его угощали насѣ съ такою сердечною готовностію и давали такѣ охотно, такѣ много, такѣ часто все, что у нихѣ было и достать могли, что образѣ этихѣ добрыхѣ грубыхѣ людей никогда не выйдешь изѣ памяти моей. Надобнобѣ было имѣть другой совсѣмѣ желудокѣ, нежели мой, чтобѣ угодить ихѣ желанію. Правда, я подлинно съ довольно сильнымѣ аппетитомѣ прибылѣ въ Казань (ибо на послѣднихѣ до этого города станціяхѣ живутѣ большею частію неласковые, неопрятные и всякое гостепріимство презиращіе Черемисы, Чуваші и Вошаки, отѣ которыхѣ совсѣмѣ ничего получить не лзя, и даже не возможно войти въ гадкія ихѣ избы); но при всемѣ томѣ мнѣ бы надлежало быть гораздо дюжѣйшимѣ ѣдакомѣ, нежели Саихо Панса, естлибѣ я хотѣлъ съѣсть все то, чѣмѣ Есипей Тимофеечъ меня подчивалѣ. По утру рано кофе съ калачемѣ и свѣжимѣ ма-

сломъ; черезъ часъ попомъ пирога
хъ водкъ; часа черезъ два опять вод-
ку, соленую рыбу, колбасы и шому
подобное; а тамъ за обѣдомъ четыре
полныя блюда; въ три часа кофе съ
сухарями; въ пять часовъ чай со вся-
кимъ пирожнымъ, а наконецъ опять
изобильной ужинъ. — Помогѣ Господи,
какъ упирали мои провожаемые! —
Здѣсь же я въ первой разъ опять сналъ
на хорошей постелѣ; и подлинно пре-
бываніе въ Казани весьма бы меня укрѣ-
пило, естлибъ безчисленное множе-
ство таракановъ не огорчало мнѣ боль-
шею частію всѣхъ плѣсньныхъ благо-
утюженій. Не лзя вообразить себѣ
несмѣтнаго числа этой гадины, кото-
рая кишмя кишѣла въ одной той ком-
натѣ. Я ни прежде, ни послѣ того
не видывалъ, ниже въ самыхъ сквер-
ныхъ крестьянскихъ избахъ такого
множества въ одномъ мѣстѣ. Они
ползали по стѣнамъ и пополу, и эти
тысячи пѣмою пѣмущей умножались,
какъ скоро вносили ввечеру свѣчи въ
покой. Вмигъ наваливались они на

кусокъ хлѣба на сполѣ пакѣ, что его совсѣмъ не видашь было. Когда хотѣли ѣсть, то напередъ непременно должно было оподвигать его отъ спѣны; а то бы не возможно было избавишься отъ нихъ, да и шумъ они бѣгая по пошолку, часно падали на кушанья. Всего меньше беспокоили они спящихъ; и хопя занавѣсь у кровати усѣянъ былъ ими, однакожъ я не чувствовалъ, чтобъ они кусали меня.

Цѣлые два дни пробыли мы въ Казани, или лучше въ Тамарской слободѣ. Здѣсь я опять имѣлъ случай (хопя и карандашемъ шолько писанное) письмецо отправить по почтѣ къ женѣ моей; но Богъ вѣдаетъ, получила ли она его (*). Впрочемъ занимался я шумъ составленіемъ прошенія къ Государю. Какъ мнѣ наиспрожайше запрещено было что нибудь писать, то конечно любопытно знать, какъ я это началъ. — Курьеръ купилъ мнѣ въ Москвѣ съ вѣдома Ш. . . . на ка-

(*) Она его не получила.

рандашѣ; я сказалъ, что хочу имѣ записывать только разстояніе станцій. Еще доспалъ я себѣ въ Москвѣ для упражненія въ Рускомъ языкѣ Лексиконъ въ двухъ Часняхъ въ четвертку; онъ напечатанъ былъ на писчей бумагѣ, и поля по бокамъ, а особливо внизу были довольно широки. На этихъ поляхъ записывалъ я все, что мнѣ приходило въ голову. На это употреблялъ я каждую минуту, когда Ш....нъ отходилъ отъ меня. Особливо по случаю нѣкоторой нужной починки у коляски имѣлъ я раза два удовольствіе писать нѣсколько часовъ; ибо Ш....нъ хвалился знающимъ въ этомъ, и всегда самъ сподѣлъ въ кузницѣ, пока работали около коляски. Такимъ образомъ я уже многое непримѣтно писалъ, а теперь спалъ продолжать это дѣло въ закрытой кругомъ занавѣсомъ постелѣ, гдѣ для меня довольно свѣту было, и меня примѣнить не могли. Думали, что мнѣ нуженъ покой и потому мнѣ не мѣшали. — Я починая это дѣло теперь уже нужнымъ, особ-

ливо потому, что я не совсѣмъ вѣрилъ обнадеженію Ш. . . . на, что мнѣ изъ Тобольска безпрепятственно можно будетъ писать, и на случай запрещенія зналъ по крайней мѣрѣ черезъ кого (*) послать гоговое на черное прошеніе къ женѣ моей, которая бы тогда переписала его наизусть и доставила, куда слѣдовало.

Прочее время мое въ Казани конечно проходило для меня крайне скучно. По большей части сидѣлъ я у окна на дворѣ и смотрѣлъ на стоявшую тамъ мою коляску, причемъ какъ бы повторялъ всѣ тѣ чувствованія, которыя меня въ тѣсномъ ея пространствѣ болѣе трехъ недѣль уже мучили. Единственное малое разсѣяніе имѣлъ я, видя очень пригожую и молодую Ташарку, жену спарого Ташарина, подѣ нами жившаго; не потому, чтобы молодость и красота ея меня хотя мало привлекала, но отъ того, что Ташарскіе нравы для меня

(*) Именно черезъ Шульгина.

совсѣмъ были новы. Тапарская баба или дѣвка должна всегда, когда по-
ло увидитъ чужаго мужчину, скрыться
или закрыть свое лицо. Этой же бѣд-
ной молодой бабѣ очень часто было
какое-то дѣло въ чуланѣ, бывшемъ
черезъ дворъ прямо противъ моего ок-
на. Сдѣлавъ же свое дѣло и увидя ме-
ня въ окнѣ, напередъ она поочасъ
опсупала назадъ и выжидала, скоро
ли я ошйду окнѣ. Но когда я
слишкомъ долго не опходилъ, то за-
крывалась она плашкомъ, а за неимѣ-
ніемъ его и однѣми руками, что ей
иногда очень трудно было, какъ она
обыкновенно кой-что выносила и окнѣ
того руки у нее заняты были. Иног-
да хотѣла она закрыть концомъ ко-
сынки, но тогда могла опкрыть грудь.
Желаяжъ въ скорости предупредить
такую опасность, иногда изъ рукъ
кой-что выпускала: надобно бывало
наклониться, чтобъ поднять, и вошъ!
лице и грудь опкрывались не посвя-
щеннымъ взорамъ. Невозможно соеди-
нить болѣе стыдливости съ большимъ

жеманствомъ, какъ эта молодая баба дѣлывала; и въ другое время уловки ея меня бы очень могли раззабавить.

Недоброжелательная судьба пригласила мнѣ самое поразительное ощущение въ минушу передъ отъѣздомъ нашимъ изъ Казани. Лошади были уже впряжены и мы хотѣли прощаться съ добродушнымъ нашимъ хозяиномъ, какъ курьеръ, у окна споявшій, вдругъ вскричалъ: *Сенатской курьеръ!* Съ этими словами отворилъ онъ вмигъ окно, назвалъ того по имени и спросилъ: *кого тебѣ?* — Тебя! отъѣчалъ тотъ. — Я самъ бросился къ окну и видѣлъ, что курьера провожалъ почталіонъ. Не удивительно, что у меня подгибались колѣни, и я почти не слыхалъ и не видалъ ничего! Всѣ выбѣжали къ нему на встрѣчу. Я не смѣлъ и не въ силахъ былъ идти за ними; но лучъ надежды ярко озарилъ меня. „Сенатской курьеръ ищетъ насъ; почталіонъ указываетъ ему нашу квартиру; за чѣмъ? онъ что ему надобно? — На всякой случай это

до меня относиться — что мне скажутъ?”

Ахъ! это было пустое! — Два Сенашора проѣзжали для обозрѣнія Сибирскихъ Губерній. Курьеръ, находящійся при нихъ, узналъ въ Казани о нашемъ пребываніи тушъ и опыскивалъ своего шоварища Шульгина. Во всю жизнь мою не случилось со мною такого ужаснаго обмана, и содроганіе всѣхъ членовъ моихъ не прежде какъ черезъ нѣсколько часовъ могло пройти совсѣмъ. Съ этой жестокой минуты я совсѣмъ потерялъ надежду, чтобъ догоняющій курьеръ опоздалъ меня обратно и смалъ снѣшить тѣхъ, какъ прежде замедлялъ; ибо теперь мнѣ самому хотѣлось чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше прибыть на мѣсто, какъ для того, чтобъ наконецъ узнать всю тяжесть моего несчастія, такъ и чтобъ тѣмъ скорѣе послать прошеніе къ Государю и письмо къ женѣ моей.

Изъ Казани выѣхали мы 17 Мая и находили еще вездѣ много снѣгу въ лѣсахъ. хотя теплая погода давно

уже спотыка. — Ошѣ Казани до Перми безѣ малаго 600 верстѣ и дорога вездѣ идешѣ самыми спрашными хвойными лѣсами, гдѣ едва на шрехѣ или чепырехѣ миляхѣ попадаеишѣ деревушка. Дорога хотя широка и довольно прямо прорублена лѣсами, но болѣею частію болотна, суевна пнями, и идучи по нимѣ, кажется, что сердце выпрясешѣ вонѣ.

Здѣсь мы въ первой разѣ вѣхали на большія парші ссылочныхѣ, конные ошчасни по двое были, скованы и пышкомѣ шли въ Иркутскѣ или заводы Нерчинскіе. Между ими были и молодыя дѣвки; и ихѣ провожала толпа вооруженныхѣ крестьянѣ пѣшихѣ и конныхѣ. Такіе ссылочные бываюишѣ на дорогѣ часто полгода и болѣе; караульные ихѣ смѣняюишѣ во всякой деревнѣ. Они просили у насѣ милоспидины. — Ахѣ! хотя я въ коляскѣ мимо ихѣ проѣзжалѣ, но соспояніе мое можеишѣ бышѣ еще хуже было, нежели ихѣ! — Душа шолько означаешѣ мѣру спраданий.

Встрѣча этихъ людей, дремучія
лѣса, ужасная дорога, разсказываніе о
многихъ смертоубійствахъ, бываемыхъ
въ спирашныхъ этихъ пустыняхъ: все
это естественнобы должно умножить
мрачное мое уныніе; одна кожъ,
Богъ любви и упованія! Ты близокъ,
когда несчастнаго оставляющъ послѣд-
нія силы! одна кожъ въ этихъ са-
мыхъ лѣсахъ блисталъ мнѣ новый лучъ
надежды, хоня часто пускло и шоль-
го издали мелькая, какъ упреннее
солнце сквозь Пермскія сосны, но все
еще свѣшилъ онъ! Да и теперь еще,
когда это пишу, согрѣвающъ онъ оле-
дѣвшую грудь мою. — Чшо это та-
кое было, чшо произвело во мнѣ та-
кое пріятное превращеніе, шого не
могу еще сообщить моему Чипа-
телю теперь — можетъ быть и ни-
когда! — А когда со временемъ и мо-
жно будешъ, о! тогда она уже
будешъ исполнена, сладостная на-
дежда, о которой доселѣ опважи-
ваюсь шолько вымолвить, чшо
она основывалась на любви женѣ

моей. По истинѣ, твердое основаніе ! Да, еслили она еще жива ! еслили еще можно будетъ ей пріѣхать ко мнѣ ! — Чѣмъ она желаетъ того, въ томъ я увѣренъ (*).

Въ Перми, куда мы безъ дальнѣйшихъ препяшствій прибыли, по счастью у Щ. . . . на не было знакомыхъ ; также онъ мало по малу пересталъ опасаться моего побѣга, и попому мы остановились у часового мастера, имѣвшаго родъ постоялаго двора. Пермь есть самое плохое мѣсто ; но у часового мастера, родомъ изъ Риги, по имени Розенберга, служившаго нѣкогда сосланному Принцу Бирону, намъ довольно хорошо было. Здѣсь Щ. . . . нѣ часто оставлялъ меня одного ; и дорожный ларчикъ мой оставался теперь по большой части открытъ, и въ благопріятную минуту я, не зная самъ для чего, спялъ

(*) Надежда моя была намѣреніе къ побѣгу изъ Сибири, которое и хотѣлъ произвести съ помощію жены моей, какъ на своемъ мѣстѣ объясню подробно.

есто рублей онъ прочей моей суммы и
 тщательнѣе ихъ спрячалъ, какъ буд-
 но предчувствовалъ, что здѣсь про-
 вожатый мой въ послѣдніе нападенія
 на мою истощенную казну. Черезъ
 нѣсколько часовъ потомъ спалъ онъ
 просить денегъ. Сначала я ему на
 опртъзъ отказалъ; но онъ такъ осер-
 дился, и такъ много что-то прого-
 варивалъ о донесеніяхъ, что я на-
 конецъ открылъ свой ларчикъ. „Види-
 те, говорилъ я, вотъ еще 110 руб-
 лей. Какъ мало этого для человѣка,
 котораго въ совершенно незнакомомъ
 мѣстѣ долженъ доставлять себѣ всѣ
 потребности и нѣмѣ еще содержать
 себя до нѣхъ поръ, пока опишешъ
 о нуждѣ своей за пять сотъ миль до-
 мой и опшуда получить еще деньги!
 Однакожъ при всемъ томъ я въ по-
 слѣдній разъ подѣлюсь съ вами. Вотъ
 пятьдесятъ рублей. Больше я не могу
 отвѣять у себя; а если вы этимъ
 не довольны, то дѣлайте, что хопи-
 те; но будете отвѣчать за то. Я то
 же могу жаловаться.“ — Послѣднія
 слова его очень изумили; онъ спалъ

ласковѣ, взялъ пятьдесятъ рублей, и послѣ меня такими доуками не беспокоилъ.

Впрочемъ казалось, что онъ наблюдалъ совсѣмъ корабельщикамъ прошивное правило, которые обыкновенно въ началѣ дороги грубы бываютъ, но чѣмъ ближе приплываютъ къ пристани, тѣмъ учтивѣе и ласковѣ становятся.

III. . . . нѣ мой спановился все несговорчивѣе, чѣмъ ближе мы спановились къ концу нашей дороги: въроятно потому, что онъ уже не опасался, что я у него уйду. Приведу здѣсь еще одинъ примѣръ, за которымъ, къ моей радости, послѣдствовало наказаніе его.

Это было — все равно, на которой спанціи за Пермью — ввечеру около осьми часовъ, какъ собралась сильная гроза. Лошади наши были уже запряжены; но какъ громъ довольно близко намъ въ уши гремѣлъ и удары спановились все сильнѣе, то просилъ я III. . . . на (чтобы всякой другой и безъ прозбы моей сдѣлалъ) подождать, пока пройдетъ гроза. Онъ отказалъ въ томъ. Я просилъ только по-

дождать полчаса; но онъ настоялъ на своемъ. Тупъ сжалъ я ему представлялъ опасность нашу, какъ намъ должно опчасши проѣзжанъ лѣсомъ, опчасши же, что поппыя лошади и многое желѣзо въ коляскѣ могуиъ припянуиъ молнію. Онъ смѣючись говорилъ: это басни, выдуманныя студентами. — Я толковалъ ему, что это еще предосторожность, когда на дорогѣ заспитгнетъ гроза, то чинобы осшановишъся на открыпомъ полѣ и выдпи. — Онъ еще болѣе засмѣялся и спрашивалъ, какъ я могу этому вѣришь! — Минъ бы не должно было сердишъся на этого бѣднаго человека; но я въ самомъ дѣлѣ досадовалъ и онъ того не настоялъ болѣе, чинобъ выждать грозы, но не говоря болѣе ни слова, вдругъ вскочилъ въ коляску. Еслии громъ поразитъ насъ, думалъ я, то минъ менѣе всего теряиъ, а ему должна быиъ жизнь дороже всего.

Такъ мы потхали, а громовые удары сшановились все сильнѣе. Верстахъ въ двухъ онъ сшанціи прѣехали мы къ оброешшей мѣлкимъ куспарникомъ

стени, копорая съ правой стороны проѣзжей дороги горѣла яркимъ поломѣмъ. Видѣ такой горящей стени очень ошличенъ опѣ вида горящаго лѣса. Огонь перебѣгаетъ, ползетъ, расширяется по пише, по быстрѣе по землѣ, иногда вспыхаетъ вверхъ, а иногда едва платитъ, пока попадетъ на пакія мѣста, гдѣ въ высокой, сухой правѣ получили новую пищу. Намъ эшопѣ степной огонь, кромѣ густыхъ дымовыхъ облаковъ, не могъ причинять никакого неудобства; но видѣ былъ ошрашенъ! Направо горящая степь, налѣво пламенное небо; направо прескучее поломя, налѣво каплящійся громъ. Такъ опѣвхали мы опяпѣ нѣсколько верстѣ, пока прѣѣхали въ лѣсѣ высокихъ елей и березѣ, копорой однакожѣ былъ не длиненъ и при выѣздѣ изъ него очутились мы у широкой воды, черезъ копорую на паромѣ переѣзжали въ находящуюся на шомѣ берегу деревню. Но паромѣ былъ пустѣ (ибо люди конечно опѣ сбирающейся грозы укрылись въ деревнѣ), вода была пакѣ широка, что намѣ

должно было долго кричать и звать, пока насъ услышали шамъ.

Наконецъ по бурнымъ волнамъ неслась къ намъ лодка; но въ ней сидѣлъ только одинъ человекъ, ко- его силы въ такихъ обстоятель- ствахъ отнюдь недостаточны были, хотя паромъ ходилъ по канату и шупъ не самая рѣка, а только разливъ ея былъ. Однакожъ мы рѣшились попы- таться, не можемъ ли переправиться. Паромъ довольно далеко былъ отъ берегу; но перевозчикъ сказалъ, что никакъ не возможно его ближе припя- нуть, а то попадешь на мѣлководье, и тогда едва ли можно будетъ ошва- лить. Однакожъ онъ думалъ, что добрыя наши лошади (копорохъ мы теперь по дурной дорогѣ впрягли пяты) впашутъ коляску и черезъ воду; и по его словамъ мы на это пустились. Колеса по самую ось были въ водѣ. Четыре лошади благополучно попали на паромъ; но пятая, коренная, зад- ними ногами оспалась въ водѣ, пова- лилась и не могла опять подняться. Крикъ, дерганье и удары не помогали;

всякое покушеніе было напрасно и подымало на бокъ коляску, какъ паромъ качался, а прочія четыре лошади все сильнѣе шянули. Провожашые мои въ самомъ началѣ вышли; а я съ нѣкоторымъ недоброжелательнымъ упорствомъ остался. Но теперь, когда коляска ежеминутно готова была опрокинуться и сверхъ того плохая лыковая веревка, кою паромъ держался у берегу, отъ дерганья лошадей легко могла порваться; теперь разсудилъ и я послѣдовать ихъ примѣру. Я вскочилъ по колѣни въ воду, а потомъ вскарабкался на паромъ. III. . . . въ взялся самъ за концы и сѣлъ на козлы; ямщикъ дергалъ лошадей подъ уздца; курьеръ билъ ихъ сукомъ отъ дерева; кресчяннинъ изо всей мочи держалъ веревку, а я стоялъ безъ дѣла, измочивъ ноги, въ ужасной бурѣ и проливномъ дождѣ. — Въ самой этой шумѣ и крикѣ вдругъ ударилъ громъ въ березу, много что въ прѣхѣ спяхъ шагахъ отъ насъ; и дробящій ударъ, за тѣмъ послѣдовавшій, оглушилъ насъ всѣхъ на нѣсколько минутъ. Всѣ голо-

са замолкли, всѣ руки опустились, и потчасъ поднялись и клали кресны. Ш. . . . нѣ поблѣднѣлъ, а курьеръ укорялъ его, чиню онъ по прозвѣ не согласился выждать часа. Онъ со спыдомъ молчалъ, а я горько усмѣхался.

Однакожъ съ эшимъ ударомъ гроза истощила свою ярость; она прошла; буря и дождь утихли; съ другаго берега поболье людей приспѣли на помощь, и мы наконецъ благополучно переправились (*).

Онъ Перми до Тобольска оспашся съ небольшимъ девятью сотѣмъ верстѣ; но дороги гораздо лучше и мѣсто веселѣе, нежели между Казанью и Пермью. Совсѣмъ уже нѣтъ шемныхъ хвойныхъ лѣсовъ, а по большей части молодой березникъ, и промежду большія полосы прекраснѣйшей, обработанной пошвы съ шучнымъ постѣвомъ. Доспашочныя деревни, то Рускія, то Татмарскія, лежащѣ въ недалекомъ одна отъ другой разстояніи; и не знавъ того,

(*) На обратномъ пути моемъ вода эта почти совсѣмъ сбыла, и я съ трудомъ могъ опыскать молніею расколотое дерево.

особливо по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, когда вездѣ толпящіяся люди, не лзя бы было подумашъ, что въ Сибири находишься. Также дома Сибирскихъ крестьянъ гораздо чище и удобнѣ домовъ прочихъ Россіянъ. Почти у всѣхъ, кромѣ простой избы, есть еще изряднехонькая горница, и въ ней слюдовыя окна, ковромъ накрытый столъ, чистыя лавки, прекрасно убранные образа и всякая посуда, чего мы давно въ крестьянскомъ быту не находили, на примѣръ, спаканы, чашки и проч. Да кажется, что Сибиряки и гостепріимнѣ Рускихъ. Впрочемъ ихъ легко различить можно по особому ихъ выговору.

Въ будни только все примѣшнѣ становилось малолюдство; ибо мы часто проѣзжали цѣлыя мили, не встрѣчая ни одного человѣка, и пущыя поля казались какъ будто волшебными жезлами приведены въ цвѣтущее ихъ состояніе. — Но ничего нѣтъ радости и веселѣ Рускихъ поселянъ въ праздничные дни. Во всѣхъ деревняхъ на открытомъ

мѣстѣ находишь хоровады дѣвокъ въ красное съ бѣлымъ, или синимъ одѣтыхъ, копорыя взявшись за руки подѣлѣсни свои пляшутъ, или молодыхъ робятъ, забавляющихся въ какую нибудь игру. Послѣднѣе однакожъ рѣже встрѣчаеися; и я по очевидности вездѣ находилъ болѣе бабъ и дѣвокъ. Никогда не видалъ я, чѣмъ оба пола вмѣстѣ играли. Робятишекъ было премножество, но почти все такихъ, которые родились еще при прежнемъ царствованіи. Впрочемъ крестныя съ великимъ усердіемъ вспоминали свою Машушку — такъ называли они покойную Императрицу.

Въ Пермской Губерніи находились еще одинъ только значущій городъ Екашеринбургъ (*). Тамъ-то Щ.... нѣ наконецъ по случаю замѣтилъ, чѣмъ я почти совсѣмъ исписалъ бѣлыя поля моего Лексикона. Онъ испугался, ужасно разсердился и хотѣлъ испребишь писанное. Но я также сильно ему воспротивился. Онъ грозилъ объявить о томъ Тобольскому Губернатору. Я

(*) Онъ довольно извѣстенъ по торнымъ заходамъ своимъ.

сказалъ, что онъ можетъ это сдѣлать; что у меня въ писанномъ содержаніи только на черно прошеніе къ Государю, а онъ самъ же увѣрилъ меня, что я къ Государю писать могу. — „Это будетъ зависѣть, выболталъ онъ, отъ предписанія, какое конечно Губернаторъ получитъ отъ васъ.“

Такъ! возразилъ я; такъ вы этого и сами на вѣрное не знали, хотя кляптевно меня обнадеживали? По этому вы также и этого не знаете, въ Тобольскѣ ли мнѣ назначено быть, или нѣтъ?

Онъ изумился, снова клялся, что ему приказано только довести меня въ Тобольскъ, и за моими упреками забылъ онъ о Лексиконѣ и прошеніи моемъ; по крайней мѣрѣ не говорилъ болѣе о томъ. Но въ разшарзанное мое сердце вдавиль онъ новое жало. Теперь я на вѣрное зналъ, что судьба моя еще не рѣшена, и что я можетъ быть еще не до дна выпилъ чашу сраданія.

Тюмень есть первый пограничный городъ. Верстъ до него нѣсколько до него начинаея среди лѣсу Тоболь-

ская граница, означенная столбами. И. . . нѣ, не пожалѣвъ меня, указалъ мнѣ эти столбы и объявилъ, что они значатъ. Я ничего не отвѣчалъ; но страшное чувство разодрало мое сердце. — Ахъ! не мучилъ ли само себя и безъ того живое воображеніе? для чего малые чувствительные предметы должны еще усугублять его дѣятельность!

И такъ теперь я подлинно былъ въ Сибири, и испытывшееся мнѣ на самой первой станціи конечно не могло облегчить горести этой извѣстности. Теперь опишу исторію, пламенными чертами вѣзавшуюся въ груди моей и наполнившую глаза мои горячими слезами! — И нынѣ еще долженъ я собраться съ духомъ, чтобы рассказать ее, и нынѣ еще она почти подавляетъ мое сердце.

Для перемѣны лошадей остановились мы въ деревнѣ и вошли въ сосѣдственную избу поѣсть проспокуши, конюхою насъ съ ласкою подчивали. Въ то самое время, какъ я передъ избою крошилъ себя хлѣбъ въ проспо-

квашу, подошелъ старикъ по меньшей мѣрѣ лѣтъ семидесяти, съ бороною и волосами какъ свѣтъ бѣлыми, съ трудомъ бросился на - земь передъ нами и усиленно спрашивалъ насъ: „не привезли ли мы ему изъ Ревеля письма?“ — При этихъ словахъ хлѣбъ неразкрошенный остался въ рукѣ моей. Я устремилъ глаза на старика и не върился себѣ, такъ ли я слышалъ. Крестьянка смѣючись вступилась и шепнула намъ: онъ помѣшалъ; какъ только проѣзжаетъ кто здѣсь, то онъ вспаиваетъ со смертнаго одра своего, припадая на колѣя своей сюда и всегда объ этомъ спрашиваетъ. При этомъ просила она насъ дать ей какую нибудь бумагу: ибо, говорила она, чтобъ удовольствовать его и онъ него отдѣлался, то надобно только прочесть ему что нибудь похожее на письмо, а не то такъ онъ начнетъ выпить и не пойдеть съ мѣста. — Я съ пренебреженіемъ подалъ ей лоскутъ бумаги. Она подошла къ нему и дѣлала, какъ будто читаетъ: „Любезной мужъ, а слава Богу здорова; такъ-

же и дѣти; мы скоро къ тебѣ будемъ и всего навеземъ, и проч.“ Сшарикъ съ умиленіемъ слушалъ, улыбался, поглаживалъ сѣдую свою бороду и весело кивнулъ головой. Лоскупокъ бумаги онъ тщательнѣе спрямалъ за пазуху. Потомъ самъ разсказалъ мнѣ довольно связно, что онъ былъ солдатомъ, служилъ нѣкогда во флотѣ въ Ревелѣ и Кронштадтѣ и напослѣдокъ опсшавленъ сюда на инвалидное содержаніе. Жену и дѣтей осшавилъ онъ въ Ревелѣ и пошомъ никогда никакой вѣсти объ нихъ не имѣлъ. По его мнѣнію все это еще не такъ давно было, и онъ съ жаромъ спорилъ, когда крестьянка сшала утверждать, что тому уже тридцать пять лѣтъ. Онъ недалеко отъ насъ сѣлъ на скамью. Щ... нъ и курьеръ шутили надъ нимъ; но онъ какъ будто не замѣчалъ ихъ, а говорилъ много про себя, чего однакожъ я советамъ разобратъ не могъ. Наконецъ онъ громко преговорилъ сокрушившія меня слова: „Гдѣ ны теперь, голубушка моя! въ Ревелѣ, въ Ригѣ, или Петербургѣ?“

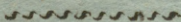
Эти слова такъ шли къ моему состоянію и такъ сильно потрясли меня, что я едва имѣлъ еще силу опворотнись и выдти на дворъ, гдѣ залился прегорькими слезами. — Ахъ! эиотъ спарикъ представлялъ мнѣ, можетъ статься, картину моего будущаго положенія! Такъ и я можетъ быть вѣогда буду бродить помѣшанныи и у каждаго проѣзжаго просить письма изъ Ревеля! — Такъ и я теперь уже долженъ воскликнуть: гдѣ ны моя милая! мои дѣти! въ Ревель, въ Ригѣ вы, или въ Петербургѣ? Никогда, никогда не слѣ того не ощущалъ я оиань шакого испребляющаго, сердце какъ бы распаеающаго прискорбїа, и образъ эиого спарика часно и теперь еще сопровожиъ меня въ бессныя ночи.

Я еще не оправился, какъ запрягли нашу коляску, и я долго не могъ унять судорожнаго моего иканія. Провожашые мои не понимали, что со мною сдѣалось и для чего я не хотѣлъ ѣхать; да и не стоило труда имѣ это объяснить: они бы знали еще смѣяться надо мною. — Почти спыжусь ска-

зашь, что я опходя спарику сунулъ въ руку денегъ. У человека, которой тридцашь пияшъ лѣшъ такъ привязанъ къ женѣ и дѣтямъ, и подъ лохмотьями такое сердце, которое не лѣзя ушѣвшишъ деньгами. Онъ равнодушно посмотрѣлъ на нихъ и даже не поблагодарилъ меня. Я вскочилъ въ коляску и закрылъ лице свое.

Такова-шо была первая мнѣ встрѣча въ Сибири! Съ этимъ терніемъ въ груди прибылъ я на первую станцію передъ Tobольскомъ! Здѣсь рѣки Иршишъ и Tobоль разлились мила на чепыре; и такъ намъ должно было ославить коляску, положить вещи свои въ лодку и водою продолжашь пушъ. День былъ тихой и очень жаркой. Мы плыли довольно скоро; провожаемые мои легли спать, а меня представили мучительной неизвѣстности, кончился ли пушъ ѣзда моя, или нѣшъ.

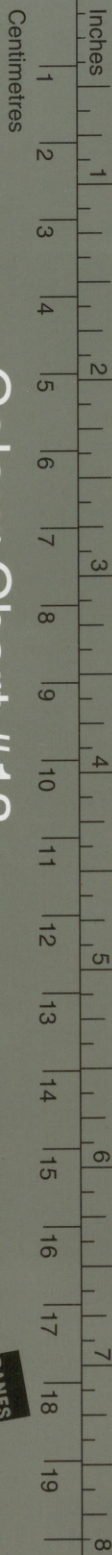
Конецъ первой Части.

зашь, что я ошходя спарику сунулъ въ руку денегъ. У человека, копорой придцашъ пашь лѣшъ такъ привязанъ къ женѣ и дѣлямъ, и подѣ лохмощь-ми такое сердце, копорое не лзя ушѣшишь деньгами. Онъ равнодушно посмошрѣлъ на нихъ и даже не поблагодарилъ меня. Я вскочилъ въ коляску и закрылъ лице свое.

Такова-то была первая мнѣ встрѣча въ Сибири! Съ эшимъ тернiемъ въ груди прибылъ я на первую станцію передъ Tobolskomъ! Здѣсь рѣки Иршишъ и Tobolъ разлились мила на чешыре; и такъ намъ должно было оставить коляску, положить вещи свои въ лодку и водою продолжашъ пушъ. День былъ тихой и очень жаркой. Мы плыли довольно скоро; провожащие мои легли спать, а меня предоставили мучительной неизвѣстности, кончится ли пушъ ѣзда моя, или нѣшъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Colour Chart #13

Blue Cyan Green Yellow Red Magenta White 3/Color Black

DANES
PICTA
COM